

На правах рукописи - <http://archaeolog.ru/?id=13>

Доде Звездана Владимировна

**КОСТЮМ НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА VII–XVII ВЕКОВ
(РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ)**

Специальность 07.00.06 – археология

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Москва – 2008

Работа выполнена в отделе теории и методики
Учреждения Российской академии наук Института археологии
РАН

обуви, ландшафтно-климатических условиях, определяющих использование тех или иных материалов, крой, выбор колорита. Семиотические функции костюма отражают этносоциальное устройство общества, религиозно-магические представления, политическую организацию, художественно-эстетические воззрения и т.п.

За последнее столетие археологических исследований Северного Кавказа накоплен материал, позволяющий отразить единый процесс складывания народного костюма и выделить основные культурно-хронологические этапы его формирования, что представляется особенно актуальным на фоне описательного и узколокального характера предшествующих изысканий. Актуальным является рассмотрение костюма как элемента структуры повседневности.

Современный уровень развития археологии ориентируется на интегральный характер исследований. В этой связи актуальным является метод междисциплинарного изучения археологического костюма, позволяющий реконструировать средневековые костюмные комплексы, их практические и символические свойства.

Исследуя этапы развития костюма на тысячелетнем отрезке времени, возможно в отдельных случаях установить соответствие между определенными элементами костюма и этнокультурной средой, с которой эти элементы генетически связаны. Для Северного Кавказа, являющегося зоной культурного взаимодействия Востока и Запада, это особенно важно. Выявление заимствований в области костюма позволяет прояснить некоторые моменты этнополитической истории региона.

Использование костюмов в качестве археологического источника для реконструкции социальной, политической, этнической истории, а также идеологических систем средневековых обществ является особенно актуальным для народов Северного Кавказа, не имевших в прошлом собственной письменности.

В условиях возрастающего интереса к археологическому костюму и разобщенности используемых авторами методик актуальным является создание новой концепции исследования костюма, с наибольшей полнотой охватывающей все явления и процессы, которые может отражать костюм как исторический источник.

Объект и предмет исследования. Предмет изучения – социальная, экономическая, политическая, этническая история и идеологические системы средневековых обществ Северного Кавказа. Объектом исследования является средневековый костюм народов Северного Кавказа как культурная форма, содержащая совокупность характерных признаков, отражающих его утилитарные и символические функции.

Степень изученности проблемы. Описание предметов средневекового кавказского костюма отражено главным образом в археологической литературе. Материалы, полученные в результате археологических раскопок, как правило, вводились в научный оборот авторами раскопок или передавались ими в музейное хранение без публикации памятников. Впоследствии к этим материалам в разное время обращались другие исследователи. В силу специфики темы исследования историографический обзор построен в соответствии с проблемно-хронологическим принципом: от самых первых упоминаний находок одежд до современных исследований в рамках одного археологического памятника; исследований отдельных элементов средневекового костюма народов Северного Кавказа; методологических работ, касающихся реконструкции археологического костюма и методов его историко-культурной интерпретации.

Фиксирование одежды относится к началу археологического изучения памятников Северного Кавказа во второй половине XIX в. представителями русской археологической школы П.С. Уваровой, исследовавшей могильник XIV в. у селения Махческ¹, и Н.И.

¹ Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. – Т. VIII. – М., 1900.

Веселовского, раскопавшего курганы XIV–XV вв. в районе станицы Белореченской². Спустя 50 лет после раскопок к материалам Белореченского могильника обратилась В.П. Левашева³. Ее исследование было первым опытом классификации и типологизации данных материалов.

Н.И. Веселовский и Н.И. Воробьев в скальном могильнике Мошечая Балка (западная часть Карачаево-Черкесской Республики, вблизи верховьев реки Большая Лаба) обнаружили одежды и ткани уникальной сохранности. Впоследствии эти коллекции были объединены в отделе Востока Государственного Эрмитажа усилиями академика И.А. Орбели и дополнены находками, сделанными на этом памятнике директором школы поселка Курджиново Е.А. Миловановым и старшим научным сотрудником отдела Востока А.А. Иерусалимской⁴. Одежды и ткани, аналогичные материалам из Мошечая Балки, обнаружил М.М. Ковалевский в 1885–1886 гг. в результате археологического исследования могильника Хасаут в долине реки Клухор. Часть этих находок, дополненная позже коллекцией, собранной в 1959 г. А.П. Руничем, хранится в фондах ГИМа⁵.

В начале XX в. случайные находки одежды из могильников Балкарии были приобретены А.С. Собириевым для Музея народов Северного Кавказа. Материал был впоследствии опубликован Г.Н. Прозрителевым⁶. В настоящий момент находки хранятся в фондах Ставропольского краеведческого музея (О.ф. № 14442; 14453). К этим материалам при реконструкции аланского костюма обращалась З.В. Доде⁷.

Одежда и своеобразные женские головные уборы были зафиксированы профессором Л.П. Семеновым при изучении склеповых памятников горной Ингушетии в 1925–1932 гг.⁸ Изучение ингушских склепов было продолжено Е.И. Крупновым. Исследователем были описаны находки женских и мужских одежд, а также убранство костюмов, обнаруженных в погребальных памятниках⁹.

В 1983 г. профессор В.Б. Виноградов поставил вопрос о необходимости изучения «портняжного промысла у позднесредневековых вайнахов»¹⁰. В этом направлении работали его ученики: Б.Б.-А. Абдулвахабова¹¹, З.А. Мадаева¹², З.И. Хасбулатова¹³, Д.Ю.

² Веселовский Н.И. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1896 год. – СПб., 1898; Он же. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1906 год. – СПб., 1909.

³ Левашева В.П. Белореченские курганы // Труды ГИМ. – Т. 22. – Археологический сборник. – М., 1953.

⁴ Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. – СПб., 1992.

⁵ Рунич А.П. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // С.А. – 1971. – № 2.

⁶ Прозрителев Г.Н. Мумии Балкарских могильников Терской области, Нальчикского округа // Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 5. – Ставрополь, 1913.

⁷ Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. – М., 2001. – С. 27, 34–35. – Рис. 28–29.

⁸ Семенов Л.П. Археологические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. – Грозный, 1963. – С. 51–53.

⁹ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – М., 1971.

¹⁰ Виноградов В.Б. Первоочередная задача в изучении портняжного промысла у позднесредневековых вайнахов (По материалам раскопок) // Хозяйство и быт народов Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983. – С. 62–68.

¹¹ Абдулвахабова Б.Б.-А. Детская одежда вайнахов XVII – начала XIX вв. (По археологическим материалам) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. – Грозный, 1987. – С. 89–97; Одежда чеченцев и ингушей XVI – начала XIX вв. (археолого-этнографическое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992; Традиционная мужская одежда вайнахов в XVI – начале XIX в. // Культура Чечни. История и современные проблемы. – М., 2002. И др.

¹² Абдулвахабова Б.Б.-А., Мадаева З.А. Женская одежда горной Чечено-Ингушетии XVII–XVIII вв. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1989. – С. 103–112.

¹³ Хасбулатова З.И. Одежда в традициях и обычаях чеченцев и ингушей в XIX – начале XX вв. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1989. – С. 112–124.

Чакжиев¹⁴. В.Б. Виноградов совместно с Б.Б.-А. Абдулвахабовой и Д.Ю. Чакжиевым провел всестороннее исследование женских головных уборов «кур-харс»¹⁵.

В 1926 г. сотрудник Центрального музея народоведения Б.А. Куфтин исследовал позднесредневековые осетинские склеповые могильники, в которых собрал предметы женской одежды. К находкам из этой коллекции обращались Е.Н. Студенецкая¹⁶, Т.Д. Равдоникас¹⁷, З.В. Доде¹⁸.

В результате исследования парного женского захоронения в могильнике Подорванная Балка в Нижнем Архызе Л.Н. Глушков выявил полный комплекс костюма, от которого в настоящее время сохранился только один головной убор (СГКМ. О.ф. Инв. № 26640/211). Эта находка была исследована З.В. Доде¹⁹.

В результате археологических раскопок Змейского катакомбного могильника XI–XII вв. С.С. Кусаевой²⁰ и В.А. Кузнецовым²¹ были выявлены изделия, выполненные из шерстяных и шелковых тканей, кожаные одежды, отделанные золоченой аппликацией, разнообразные головные уборы и обувь, декорированные металлическими украшениями и бубенчиками. Часть этих находок спустя много лет была представлена на выставке «Аланский всадник», организованной Государственным музеем искусств народов Востока, в разделе «Средневековая Алания VI–XII вв. н.э.»²². К этим материалам неоднократно обращался В.А. Кузнецов в контексте исследования истории средневековой Алании²³.

В результате археологических раскопок богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора в районе г. Кисловодска С.Н. Савенко выявил одежды, во многом повторяющие формы и технологию изготовления известных находок из Змейского катакомбного могильника²⁴.

¹⁴ Чакжиев Д.Ю. Башнеобразный склеп в селении Пялинг // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. – Нальчик, 1998. – С. 46–82.

¹⁵ Виноградов В.Б., Абдулвахабова Б.Б.-А., Чакжиев Д.Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин (о парадном головном уборе кур-харс) // С.Э. – 1985. – № 3. – С. 104–114.

¹⁶ Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. – М., 1980. – С. 9–10, 42, 49–50, 52–54, 59.

¹⁷ Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в. н.э.) (Античность и средневековье). – Л., 1990. – С. 111, 115–117.

¹⁸ Доде З.В. Женская одежда из позднесредневековых осетинских склеповых могильников в коллекции Б.А. Куфтина // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. – Ессентуки – Кисловодск, 2002. – С. 48–50; Коллекция осетинской женской одежды Б.А. Куфтина // Вестник истории, литературы и искусства. – Т. II. – М., 2006. – С. 418–430; «Шелковый рай» на Северном Кавказе. Иранская лицевая ткань XVI века из коллекции Б.А. Куфтина // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 68–76.

¹⁹ Доде З.В. Аланский женский головной убор из могильника Подорванная Балка в Нижнем Архызе // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1991. – С. 124–131.

²⁰ Кусаева С.С. Некоторые итоги археологических раскопок могильника в станице Змейской // Известия СОНИИ. – Т. XVII. – Орджоникидзе, 1956; Аланский катакомбный могильник XI–XII вв. у станицы Змейской (По раскопкам 1953 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1961.

²¹ Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (По раскопкам 1957 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1961; Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 году // МИА. – № 114. – М., 1963; Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы. История и культура. Alanica III. – Владикавказ, 1995. – С. 315–362.

²² Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. Каталог выставки. – М., 2005. – С. 44–73, кат. 141–143, 151.

²³ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе, 1984; Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992; Эльхотовские ворота в X–XV веках. – Владикавказ, 2003. – С. 67–79; Vladimir Kouznetsov et Iaroslav Lebedinsky. Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase. – Paris, 1997.

²⁴ Савенко С.Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1986. – С. 75–92.

Комплекс женского костюма XIII–XIV вв. из могильника Байрым был отреставрирован и опубликован Т.Н. Никитиной²⁵ и И.М. Мизиевым²⁶. Последний продолжил исследование археологических костюмов карачаевцев и балкарцев по материалам могильников Верхний Чегем, Байрым, Курнаят, Ташлы-Тала, Карт-Джурт и др., представив результаты в монографии «Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв.», в главе, посвященной описанию одежды и украшений²⁷.

Фрагменты одежд, выполненных из шелка и парчи, войлока и грубого холста, также зафиксированы в археологических памятниках Карачая XIV–XV вв. Х.Х. Биджиевым²⁸.

Т.Б. Мамукаев, исследовавший склеповый могильник Даргавс («Город мертвых»), реконструировал средневековый свадебный наряд осетинки в «шелковой одежде типа пыльника»²⁹. Наиболее подробно находки костюмов (одежды, обуви, головных уборов, украшений и тканей) из «Города мертвых» описаны в монографии В.Х. Тменова³⁰.

Скальные погребения в Нижнем Архызе и Мощевой Балке исследовались В.Н. Каминским и И.В. Каминской. Находки тканей византийского, иранского, китайского и согдийского производства из этих памятников упомянуты в работе И.В. Каминской³¹. Часть собранных материалов поступила в фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицина и Карачаево-Черкесского музея-заповедника. Материалы текстильной коллекции VIII–IX вв. из Карачаево-Черкесского музея опубликованы О.В. Орфинской³².

Могильник Мощевая Балка был также исследован экспедициями Института археологии РАН под руководством И.С. Каменецкого и Е.И. Савченко³³. Коллекция тканей, полученная в результате работы на памятнике, передана в Ставропольский краеведческий музей (О.ф. Инв. № 29494/1-91). Факт наличия импортных шелков в захоронениях Мощевой Балки был отмечен в работах Е.И. Савченко, без подробного описания находок³⁴. Находки одежд и обуви из погребений Нижнего Архыза на горе

²⁵ Никитина Т.Н. Реставрация и консервация одежды из погребения в Кабардино-Балкарской АССР // Ежегодник государственного исторического музея. – 1961 год. – М, 1962. – С. 167–174.

²⁶ Мизиев И.М. Средневековый могильник Байрым у селения Верхний Чегем // Сборник студенческих работ Кабардино-Балкарского университета. – Нальчик, 1964.

²⁷ Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Важнейшие этногенетические аспекты. – Нальчик, 1991.

²⁸ Биджиев Х.Х. Погребальные памятники Карачая XIV–XVII вв. // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1979. – С. 63–146.

²⁹ Мамукаев И.М. К этнографии и антропологии Города мертвых // Вопросы осетинской археологии и этнографии. – Вып. 1. – Т. XXXVI. – Орджоникидзе, 1980.

³⁰ Тменов В.Х. «Город мертвых» (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). – Орджоникидзе, 1979.

³¹ Каминская И.В. Лабинские варианты торговых дорог Северо-Западного Кавказа // Византийский Временник. – Т. 49. – 1988. – С. 201–204.

³² Орфинская О.В. Реконструкция одежды населения Нижне-Архызского городища VII–IX веков // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1991. – С. 112–123; Изучение холщовых тканей раннего средневековья из Карачаево-Черкесского музея // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. – Самара, 1996. – С. 133–143; Аланский костюм VIII–IX веков (По материалам скальных могильников Карачаево-Черкесии) // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Из истории костюма). – Т. I. – Самара, 2001. – С. 106–122.

³³ Савченко Е.И. Могильник Мощевая Балка. Работы 1980 г. Археологический отчет. – СГКМ. Ф. 70, ед. хр. 19; Отчет Лабинского отряда за 1981 г. (Могильник Мощевая Балка). – СГКМ. Инв. № 23051/5; Отчет Лабинского отряда за 1982 г. (Могильник Мощевая Балка). – СГКМ. Инв. № 23051/11.

³⁴ Савченко Е.И. О Северо-Кавказском отрезке Великого Шелкового пути // VIII Международная научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века». – Ростов-на-Дону, 1966; Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северо-Западном Кавказе в VIII–IX вв. (По материалам могильника Мощевая Балка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997; Мощевая Балка – узловой путь Великого Шелкового пути на Северном Кавказе // Р.А. – 1999. – № 1. С. 125–141.

Пароход, на горе Церковной и у поселка Буковый описаны В.А. Кузнецовым, отметившим, что «холщовые и полотняные ткани, из которых шились одежды жителей Нижне-Архызского городища, производились на месте в пределах Северо-Западного Кавказа»³⁵.

Основной вклад в изучение аланского костюма VII–IX вв. внесла А.А. Иерусалимская. Результаты ее исследований изложены в ряде статей и монографии, посвященной раннесредневековым находкам на Северо-Кавказском Шелковом пути, обнаруженным в могильнике Мошевая Балка³⁶. В центре внимания исследователя находится ткань как неотъемлемая составная часть всего комплекса костюма³⁷. А.А. Иерусалимская рассматривает различные аспекты, касающиеся истории раннего средневекового текстиля. В поле ее внимания попадают не только технология ткачества и текстильные сюжеты, но и вопросы, связанные с художественными заимствованиями³⁸.

Работы А.А. Иерусалимской соответствуют принципам, принятым в мировой практике исследования текстиля, и являются методологической основой для изучения технологических особенностей и дизайна шелковых тканей. Опыт работы с текстилем отражен автором не только в многочисленных статьях и монографии, но также в опубликованном «Словаре текстильных терминов», являющемся важным методическим пособием для исследователей³⁹.

Интересна работа А.Я. Кузнецовой «Народное искусство карачаевцев и балкарцев», где одна глава посвящена одежде⁴⁰.

Опыт обобщения материалов, касающихся истории северокавказского костюма, известных к 1982 г.⁴¹, был предпринят Т.Д. Равдоникас. Ей принадлежит первый

³⁵ Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. – Ставрополь, 1993. – С. 214.

³⁶ Иерусалимская А.А. Одежда раннесредневекового населения предгорий Северного Кавказа (По материалам могильника VIII–IX вв. Мошевая Балка) // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тез. докл. – М., 1976. – С. 22–24; Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (По материалам могильника Мошевая Балка) // С.Э. – 1983. – № 1; Кавказ на Шелковом пути. – СПб., 1992; Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (По материалам анализа одежды адыго-аланских племен VIII–IX вв.) // Культуры Евразийских степей второй половины тысячелетия н.э. (Из истории костюма). – Т. I. – Самара, 2001. – С. 87–105; Ierusalimskaja A.A. Le caftan aux Simourg du tombeau de Moschtchevaja Balka (Caucas Septentrional). *Studia Iranica*. – Paris – Leiden, 1978; Ierusalimskaja A.A. Die Graber Der Moscevaaya Balka Fruhmittelalterliche Funde an Der Nordkaukasischen Scidemstrasse. – Munchen, 1996.

³⁷ Иерусалимская А.А. К вопросу о культурных связях в раннем средневековье (Несколько шелковых тканей из Мошевой Балки) // Сборник Г.Э. – Т. XXIV. – Л., 1963; О Северо-Кавказском Шелковом пути в раннем средневековье // С.А. – 1967. – № 2; Великий Шелковый путь и Северный Кавказ. – Л., 1972; К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. – Л., 1972; Западные ткани на Дальнем Востоке (Эллинизм и раннее средневековье) // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. – Л., 1975; Аланский мир на Шелковом пути // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л., 1978. – С. 151–162; Кавказ на Шелковом пути. – СПб., 1992.

³⁸ Иерусалимская А.А. Шелковые ткани с «Сенмурвами» (новые находки и старые проблемы) // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина (1986–1994 гг.). – СПб., 1995. – С. 62–71; Сасанидская «Царская охота» в древнем текстиле (прототипы и копии) // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина (1986–1994 гг.). – СПб., 1995. – С. 127–128; Двойная секира и голова вепря (Текстильная интерпретация двух сасанидских мотивов) // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина (1995–1999 гг.). – СПб., 2000. – С. 47–55; Ierusalimskaja A. Soieries Byzantines Des X – XI Siecles Provenant de Svanetie (Georgie) // *CIETA – Bulletin 77*, 2000. – P. 57–69; Ierusalimskaja A. Les Soieries Byzantines A La Lumiere Des Influences Orientales: Les Themes Importes Et Leurs Interpretations Dans Le Monde Occidental // *CIETA – Bulletin 80*, 2003. – P. 16–25.

³⁹ Иерусалимская А.А. Словарь текстильных терминов. – СПб., 2005.

⁴⁰ Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик, 1982.

⁴¹ Работа над монографией была завершена автором в 1982 г.

монографический обзор костюмных комплексов на широком хронологическом отрезке (V в. до н.э. – конец XVII в.)⁴².

Таким образом, археологические находки костюмов из северокавказских памятников VII–XVII вв. известны практически на всей территории региона. Но их освещение в литературе, как правило, носит повествовательный характер, ограниченный территориальными и временными рамками памятника. Описание материалов, за редким исключением, не было связано с проблематизацией исследования. Наиболее изученным оказался аланский костюм VII–IX вв., результаты исследования которого с наибольшей полнотой представлены в работах А.А. Иерусалимской.

В целом ряде работ в качестве источника рассматриваются отдельные элементы аланского костюма – поясные наборы, украшения или амулеты.

В специальной археологической литературе массовый материал поясных наборов из аланских памятников проанализирован преимущественно как источник, позволяющий установить направления передвижений кочевников в раннем средневековье, этнический состав переселяющихся народов, а также для уточнения вопросов хронологии. Важным результатом этих исследований является реконструкция социальной организации аланского общества в работах С.А. Плетневой⁴³, В.Б. Ковалевской⁴⁴, Г.Е. Афанасьева⁴⁵, В.С. Флерова⁴⁶, И.О. Гавритухина⁴⁷, В.Ю. Малашева⁴⁸, Д.С. Коробова⁴⁹ и др.

Большой вклад в изучение кавказских украшений VI–IX вв. внесла В.Б. Ковалевская (Деопик). Она уточнила хронологию и предложила классификацию аланских украшений, а также выявила основные пути торговых связей⁵⁰. Украшения костюма средневековых адыгов в общем комплексе культуры народов Северного Кавказа были проанализированы Е.П. Алексеевой⁵¹.

Исследование амулетов и талисманов является самостоятельной темой, о чем свидетельствует многочисленная литература, касающаяся данного вопроса. В.И. Абаев, Г.Е. Афанасьев, А.А. Иерусалимская, В.Б. Ковалевская, В.А. Кузнецов, С.А. Плетнева, В.С. Флеров, З.Х. Албегова и другие исследователи рассматривают амулеты из катакомбных захоронений как один из критериев определения аланской культуры, как

⁴² Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в. н.э.) (Античность и средневековье). – Л., 1990.

⁴³ Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. – М., 1967; На славяно-хазарском пограничье (Дмитровский археологический комплекс) – М., 1989.

⁴⁴ Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970; Башкирия и Евразийские степи IV–IX веков (По материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древности древних угров. – М., 1972; Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. – М., 1979.

⁴⁵ Афанасьев Г.Е. Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. – М., 1976; Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и средние века. – М., 1980.

⁴⁶ Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. – М., 1984; Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) // Маяцкий археологический комплекс. – М., 1990.

⁴⁷ Гавритухин И.О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Из истории костюма). – Т. 2. – Самара, 2001. – С. 28–86.

⁴⁸ Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической конференции (17–20 ноября 1997 г.). – Самара, 1998. – С. 28–26.

⁴⁹ Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. – СПб., 2003.

⁵⁰ Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. // С.А. – 1959. – № 3; Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // С.А. – 1961. – № 3; Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // Средневековые памятники Северной Осетии. – М., 1963; Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. – М., 1979.

⁵¹ Алексеева Е.П. Материальная культура черкесов в средние века (По данным археологии) // Труды КЧНИИ. – Вып. IV. – Ставрополь, 1964.

материал, позволяющий реконструировать религиозные представления алан и мировоззренческие основы, послужившие базой консолидации аланского этноса⁵².

Число работ, касающихся костюмов золотоордынских кочевников, значительно меньше. Немаловажную роль в этом сыграли установки советской идеологической системы, отрицавшей позитивную роль тюркского компонента в истории и культуре многих народов. Это привело к преобладанию в литературе традиций автохтонизма и преувеличению значения иранского компонента⁵³.

Крайне редкая сохранность органических материалов в кочевнических захоронениях также послужила причиной ограниченного интереса исследователей к проблеме кочевнического костюма.

В качестве основного источника для детального исследования половецких костюмов С.А. Плетнева использовала каменную половецкую пластику⁵⁴. Венгерский ученый А. Палоци-Хорват изучал костюм половцев, опираясь, главным образом, на изображения кочевников в книжной миниатюре⁵⁵.

Костюмы кочевников золотоордынского времени на территории Северного Кавказа не были известны до находок в могильниках Новопавловский (1981 г.)⁵⁶ и Джухта (1998 г.)⁵⁷. Исследование этих материалов и реконструкция костюмных комплексов выполнены З.В. Доде⁵⁸. Спустя 25 лет после раскопок материалы Новопавловского могильника были опубликованы Е.И. Нарожным и Н.А. Охонько⁵⁹. Несколько работ З.В.

⁵² Абаев В.И. Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. – М., 1960. – С. 11–15; Афанасьев Г.Е. Дохристианские религиозные верования алан (По материалам амулетов могильника Мокрая Балка) // С.Э. – 1976. – № 1; Иерусалимская А.А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (По материалам могильника Мошевая Балка) // С.Э. – 1983. – № 1; Ковалевская В.Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978; Антропоморфные амулеты IV–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. – 1983. – № 176; Хронология древностей северокавказских алан // Аланы. история и культура. Alanica III. – Владикавказ, 1995; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992; Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. – М., 1967; На славяно-хазарском пограничье (Дмитровский археологический комплекс). – М., 1989; Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). – Волгоград, 1993; Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. – М., 2000; Албегова З.Х. Палеосоциологическое исследование религии алан V–XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000; Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (По материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // Р.А. – 2001. – № 2. – С. 83–86.

⁵³ Доде З.В. Об изучении историко-культурного наследия репрессированных народов Северного Кавказа в советский период // Историко-археологический альманах. – Армавир – Москва, 2000. – С. 90–96.

⁵⁴ Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА. – № 62. – Т. 1. – М. – Л., 1958; Половецкие каменные изваяния. Свод археологических источников. – М., 1974. – Вып. Е 4–2.

⁵⁵ Paloczi-Horvath A. Le costume coman au moyen age // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, № 32 (1–4). – Budapest, 1980. – P. 403–427.

⁵⁶ Аварийные раскопки на памятнике проводил Н.А. Охонько. Археологический отчет о раскопках в Новопавловском карьере не составлялся.

⁵⁷ Белинский А.Б. Отчет об охранных раскопках курганного могильника Джухта в Апанасенковском районе Ставропольского края в 1998 году. – Ставрополь, 1999.

⁵⁸ Доде З.В. Средневековый костюм народов Центрального Предкавказья как источник по истории региона в VII–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993; Кочевнический комплекс золотоордынского времени в курганном могильнике Джухта-2 // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. – Кисловодск, 2000. – С. 40–42; Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. – М., 2001. – С. 117–127; Символы легитимации принадлежности к империи в костюме кочевников Золотой Орды // Восток. – 2005. – № 4. – С. 25–35.

⁵⁹ Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе Евразийских древностей. – Ставрополь – Армавир, 2007.

Доде посвящено проблеме технологической и художественной атрибуции шелковых тканей монгольского времени⁶⁰.

Следует отметить монгольский костюм, обнаруженный П.Н. Шишкиным в Увек и опубликованный А.А. Кротковым⁶¹. Последний описал женскую одежду и головной убор, реконструкция которого стала хрестоматийной. Находки женских одежд из мавзолея в могильнике Маячный Бугор в Астраханской области были введены в научный оборот Д.В. Васильевым⁶². Изучение материалов из могильников Увек и Маячный Бугор также было предпринято группой авторов, опубликовавших технологические характеристики материалов⁶³.

Находки головных уборов в золотоордынских памятниках Поволжья и Подонья, а также попытки их реконструкции представлены в публикации Е.П. Мыськова⁶⁴. В результате исследования курганного могильника у хутора Семенкина Волгодонского района Ростовской области были выявлены фрагменты шелковых одежд и женских головных уборов⁶⁵. Бокку, мужской пояс и фрагменты шелковых тканей зафиксировал К.Ю. Ефимов в погребениях могильника Олень-Колодезь в Воронежской области⁶⁶.

Детальное описание монгольского костюма по материалам каменной пластики представлено в работе монгольского исследователя Д. Баяра⁶⁷. Автор опубликовал также коллекцию археологических материалов монгольской мужской одежды, собранную в 1959 г. Монгольской археологической экспедицией АН СССР под руководством С.В. Киселева в Читинской области на реке Онон⁶⁸.

⁶⁰ Доде З.В. Уникальный шелк с «драконами» из могильника Джухта (Северный Кавказ) // Р.А. – 2005. – № 2. – С. 138–148; Китайские шелка в золотоордынских могильниках Северного Кавказа // Вопросы истории, историографии, экономики, языкознания и литературы: Сборник аспирантских статей. – М., 2005. – С. 65–72; Шелковая Орда: определение китайской, иранской и центральноазиатской художественной традиции в декоре шелков монгольского времени из золотоордынских памятников улуса Джучи // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. – Нальчик, 2006. – С. 73–74. Dode Zvezdana. The Juhta Silks: On the Cultural Attribution of Golden Horde Fabrics // European Association of Archaeologists – 9 Annual Meeting 10–14 September, 2003. – St. Petersburg. – P. 53; Juhta Burial Chinese Fabrics of the Mongolian Period in 13–14 Centuries in North Caucasus // CIETA – Bulletin 82, 2005. – P. 75–93; Determination of Chinese, Iranian and Central Asian Artistic Tradition in the décor of silk of the Mongolian Period from the Golden Horde Legacy in Ulus Djuchi // Silk Road and Mongol-Yuan Art. Paper collection of the international symposium. Hangzhou, 2005. – P. 267–277.

⁶¹ Кротков А.А. Раскопки на Увек в 1913 году // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 32. – Саратов, 1915. – С. 111–113.

⁶² Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей: Сб. науч. ст. – Волгоград, 1998. – Вып. 6. – С. 101–112.

⁶³ Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного Исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. – М., 2002; Orfinskaya O.V., Lantratova O.B., Golikov V.P., Aliev A.D. The complex experimental research of Samples of the Golden Horde textile of the XIII–IV-th centuries from the Uvek site of ancient city // Appendix 3 in Nedashkovsky L.F. Ukek. The Golden Horde city and its periphery. BAR International Series 1222. – Oxford, 2004. – P. 144–164; Орфинская О.В., Голиков В.П., Лантратова О.Б., Рудаков В.Г. Исследование нескольких деталей женского костюма из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный Бугор-1 // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне: Тез. докл. III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). – М., 2006. – С. 169–171.

⁶⁴ Мысков Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Р.А. – 1995. – № 2. – С. 36–43.

⁶⁵ Ларенок В.А. Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х. Семенкина // Донские древности. – Вып. I. – Азов, 1992. – С. 158–189.

⁶⁶ Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника Олень-Колодезь // Р.А. – 2000. – № 1. – С. 167–182.

⁶⁷ Баяр Д. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака (Восточная Монголия) // Древние культуры Монголии / Отв. ред. д-р ист. наук Р.С. Васильевский. – Новосибирск, 1985. – С. 148–159.

⁶⁸ Баяр Довдойню. Алтан ургийн язгууртны нэгэн булшийг судалсан нь. – Улаанбаатор хот. – 2000 он. (На монгольском языке).

Другой монгольский исследователь – У. Эрдэнэбат – в монографии, посвященной исследованию монгольской бокки, обобщил известные археологические находки, обнаруженные на территории бывшей Монгольской империи, а также привел широкий круг изобразительных источников, на которых воспроизведен этот головной убор⁶⁹.

В связи с накоплением археологических данных, связанных с монгольским костюмом, внимание исследователей стала привлекать их научная интерпретация: выявление историко-культурного контекста бытования, установление семантического содержания элементов костюма и комплексов в целом.

А.А. Тишкин в своих исследованиях женских головных уборов монгольского времени опирается на археологические, изобразительные и письменные свидетельства. Автор опубликовал опыт экспериментального изготовления и практического апробирования головных уборов, реконструированных им на основании археологических находок⁷⁰.

Интерпретации элементов монгольского костюма уделено внимание в работах М.Г. Крамаровского, отметившего особое место воинских шапок – орбелге – и воинских поясов в составе костюма монгольского всадника и женского головного убора бокка на территории Золотой Орды⁷¹.

Семантическому содержанию женского головного убора боктаг посвящена статья А.Г. Юрченко⁷². Ему же принадлежит исследование роли монгольской прически, которая была характерна для консолидированной группы военнообязанного мужского населения Монгольской империи⁷³.

Основные черты костюма замужней монголки и девичьего монгольского костюма выявил на основании археологических находок и изобразительных источников М.В. Горелик, проследивший, также развитие монгольского кафтана с отрезной юбкой⁷⁴. Ранее автор изучал монгольские черты в среднеазиатском мужском костюме по миниатюрам XV–XIX вв.⁷⁵ На основании одежды и вооружения М.В. Горелик устанавливает этническую принадлежность персонажей, отраженных на миниатюрах, и на основании этих реалий датирует и атрибутирует изобразительные памятники⁷⁶. Мужской костюм киданей и монголов X–XIV вв. остается в центре внимания автора в контексте исследования воинского искусства, оружия и снаряжения средневековых кочевников⁷⁷.

⁶⁹ Эрдэнэбат У. Монгол эхнэрийн богтаг малгай. – Улаанбаатар, 2006. – С. 152. (На монгольском языке).

⁷⁰ Тишкин А.А. Археологические, изобразительные и письменные свидетельства о женских головных уборах монгольского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. – Омск, 2003. – С. 125–128; Опыт реконструкции женских головных уборов монгольского времени // V Конгресс этнографов и антропологов России (Омск, 9–12 июня 2003 г.): Тез. докл. – М., 2003. – С. 233.

⁷¹ Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб., 2001. – С. 30–60; Джучиды: Воинские шапки и Бокка // Эрмитажные чтения памяти Пиотровского. – СПб., 2001. – С. 33–38.

⁷² Юрченко А.Г. Власть и женская мода в Монгольской империи // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.): Доклады российских ученых. – М., 2006.

⁷³ Юрченко А.Г. Монгольская мужская прическа XIII в. // *Mongolica VI*. – СПб., 2003. – С. 63–68.

⁷⁴ Горелик М.В. Монгольский женский костюм X–XIV вв. // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне // III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000): Тез. докл. – М., 2006. – С. 125–126; Монголы между Европой и Азией // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Нальчик, 2006. – С. 64–66.

⁷⁵ Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М., 1979. – С. 50–69.

⁷⁶ Горелик М.В. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV–XV вв. / *Mittelalterl Che Malerei im Orient*. Herausgegeben vor Karin Ruhrdanz // Martin Luter Universitat Halle Wittenberg Wissensch Ftliche Beitrage 1982/22 (I 16). – P. 91–98.

⁷⁷ Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, оружие, снаряжение. – М., 2002.

М.В. Горелик одним из первых обозначил проблему необходимости выделения схожих и даже тождественных элементов культуры у разных этносов на большой территории, которые связаны с феноменом имперского костюма⁷⁸.

Анализ традиции использования различного направления запаха в одежде у народов Дальнего Востока провела Л.Н. Гусева⁷⁹.

Реконструкция и комплексное исследование одежды и шелковых тканей из золотоордынского могильника Вербовый Лог в Ростовской области, базирующееся на использовании научно-естественных методов и привлечении широкого круга культурно-исторических параллелей, выполнено З.В. Доде⁸⁰.

В заключение историографического обзора следует остановиться на тех исследованиях, в которых изложена методика реконструкции археологического костюма. В числе работ, затрагивающих проблемы методики, следует назвать последние исследования Г.М. Майтдиновой⁸¹, Н.В. Полосьмак и Л.Л. Барковой⁸², а также монографию С.А. Яценко⁸³.

В подходе к костюму как к историческому источнику, не только раскрывающему материальный и духовный мир древних обществ, но и позволяющему реконструировать этносоциальные аспекты истории и эстетические идеалы древности, практически все исследователи единодушны. Принципиально различным является изложенный подход к самой возможности реконструкции костюмов по погребальным фрагментам. Г.М. Майтдинова считает, что реконструкция костюма, не подтвержденная находками подлинных одежд, носит гипотетичный характер, а расположение украшений на костяке дает только общую схему декоративного решения костюмного ансамбля⁸⁴. С этим мнением вполне солидарна Н.В. Полосьмак⁸⁵. С.А. Яценко имеет противоположное мнение. Методика реконструкций археологического костюма, разработанная С.А. Яценко, «основана как на послойной фиксации украшений и тканей одежд, учете в каждом конкретном случае характера обрушения свода, разложения гроба и частей трупа, так и на привлечении наиболее детальных изображений персонажей данного этноса, с учетом синхронных родственных этносов и костюма иранских народов в целом вплоть до этнографической современности»⁸⁶. На практике реконструкции костюмов из могильника Тилля-тепе, приведенные в монографии автора, основываются исключительно на фиксации расположения в погребении золотых бляшек⁸⁷. Оценка реконструкций, выполненных с использованием подобного подхода к источнику, дана Н.В. Полосьмак: «Проведение... аналогии с какими-либо реконструкциями костюмов, выполненными на основе остатков украшений из погребений, не вполне корректно, поскольку такие реконструкции, как правило, очень условны»⁸⁸. Справедливо замечание Н.В. Полосьмак и

⁷⁸ Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. – Казань. – 1993. – С. 40.

⁷⁹ Гусева Л.Н. Левосторонний запах одежды чжурчженей // Russia and Pacific. – Владивосток, 2005. – № 2. – С. 99–103.

⁸⁰ Доде З.В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог // Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. VI. – М., 2006. – С. 77–217.

⁸¹ Майтдинова Г.М. История таджикского костюма: В 2-х т. – Душанбе, 2004.

⁸² Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазарыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.) – Новосибирск, 2005.

⁸³ Яценко С.А. Костюм Древней Евразии (ираноязычные народы). – М., 2006.

⁸⁴ Майтдинова Г.М. Указ. соч. – Т. 1. – С. 25.

⁸⁵ Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Указ. соч. – С. 21.

⁸⁶ Яценко С.А. Указ. соч. – С. 21.

⁸⁷ Там же. – С. 174–177.

⁸⁸ Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Указ. соч. – С. 22.

относительно ограниченных репрезентационных возможностей изобразительных источников⁸⁹.

Г.М. Майтдинова также считает, что только подлинные находки одежды подтверждают гипотезы, сделанные на основании изобразительных источников⁹⁰, а этнографические параллели для реконструкций древних костюмов следует привлекать очень осторожно, «так как элементы, отмеченные в традиционной культуре, могут быть привнесены в более позднее время в результате неоднократных взаимовлияний»⁹¹.

Г.М. Майтдиновой было определено основное требование, предъявляемое к реконструкциям: «...исторические реконструкции костюма должны, прежде всего, отвечать требованию принципиальной проверяемости на материалах, а все привлекаемые источники не должны противоречить ранее установленным научным фактам»⁹². Характер используемых Н.В. Полосьмак и Г.М. Майтдиновой находок одежды обусловил высокое качество представленных в их работах реконструкций.

В рассмотренных работах Г.М. Майтдиновой, Н.В. Полосьмак и Л.Л. Барковой изложены принципиальные подходы к возможностям реконструкции археологического костюма. Однако конкретные методические приемы воссоздания костюмного комплекса остаются за рамками исследований.

Таким образом, накоплен достаточно обширный материал, освещающий находки костюмов в средневековых памятниках Северного Кавказа. В литературе он представлен, главным образом, в виде описания находок. Круг работ аналитического характера, в которых костюм рассматривается как исторический источник, раскрывающий материальное и духовное устройство средневековых обществ Северного Кавказа, а также их историю и культуру, крайне ограничен. Это выражается не только в небольшом количестве таких исследований, но также в том, что анализ, как правило, проводится в узковременных или этнолокальных рамках, ограничивающих возможности костюма как исторического источника. В работах, в той или иной степени касающихся методов реконструкции археологического костюма, изложены основные принципы подхода к проблеме, но конкретные методики работы с археологическим материалом отсутствуют. Нет и методологических разработок, обосновывающих источниковедческий потенциал костюма. Эта ситуация подводит к определению целей и задач нашего исследования.

Цель исследования: на основе определения содержания и характера источниковедческого потенциала археологического костюма реконструировать этносоциальные, политико-экономические и идеологические аспекты средневековой истории народов Северного Кавказа путем создания новой концепции исследования костюма, с наибольшей полнотой охватывающей все явления и процессы, которые отражает костюм как исторический источник.

Задачи исследования:

- обобщение накопленных материалов по средневековому северокавказскому костюму в соответствии с имеющимся корпусом археологических источников;
- аргументация содержательного потенциала костюма как исторического источника и применения нового методологического подхода к его изучению;
- обоснование методики реконструкции костюма по археологическим данным и создание демонстрационного ряда в виде графических цветных реконструкций костюмных комплексов;
- анализ динамики развития костюма народов Северного Кавказа на различных культурно-хронологических этапах средневековья;

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Майтдинова Г.М. Указ. соч. – Т. I. – С. 26.

⁹¹ Там же. – С. 25.

⁹² Там же. – С. 26.

– установление смыслового значения костюма как знака, определяющего область исторической реальности, которую он обозначает: половозрастную, имущественную, социальную дифференциацию, религиозную, этническую, региональную принадлежность в различных этнокультурных системах средневекового Северного Кавказа;

– реконструкция модели историко-культурной действительности Северо-Кавказского региона и ее динамики, отражающей уровень развития местных обществ и характер их взаимоотношений с окружающими народами в VII–XVII вв.;

– определение векторов культурного взаимодействия и причин изменения их направлений; диагностирование механизмов территориально-культурных контактов народов, проживающих на сопредельных территориях, выявление характерных признаков переходных зон культурно-исторического взаимодействия; выяснение степени влияния религиозного фактора на формирование культуры изучаемых народов.

Территориальные рамки включают Западное и Центральное Предкавказье. На севере территория граничит с Кумо-Манычской впадиной, на юге – с подножием Большого Кавказского хребта. Западная граница проходит по побережьям Черного и Азовского морей, на востоке Центральное Предкавказье граничит с Терско-Кумской низменностью, где располагается восточная часть Предкавказья. Естественные границы практически совпадают с административными и государственными. За Большим Кавказским хребтом находятся Грузия, Армения и Азербайджан. На юго-западе Прикаспийской низменности располагается Дагестан. Таким образом, в поле изучения попадает компактная территория, объединенная культурой и исторической общностью, где сегодня располагаются современные Адыгея, Чечня, Ингушетия, Осетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Ставропольский край. В ходе исследования привлекались материалы сопредельных территорий – Калмыкии, Ростовской области и Краснодарского края.

Хронологические рамки включают тысячелетнюю историю развития северокавказского костюма – VII–XVII вв. В этот период территория Центрального Предкавказья входила в зону кочевнических миграций, вектор которых был ориентирован с Востока на Запад. Хронологические границы рассматриваемого периода устанавливаются в определенной мере символическими событиями, поскольку процесс развития культуры не был связан с конкретными датами. В VII в. начал складываться Хазарский каганат, культура которого охватила огромную территорию, куда входили и земли Северного Кавказа. Череда движения кочевнических племен завершилась миграцией с Востока калмыков, которые в середине XVII в. заняли Волго-Уральское Междуречье. На рубеже XVI–XVII вв. вектор миграций изменяется и определяется движениями с Запада на Восток. В этом движении ключевую роль играла русская колонизация. В сферу интересов России входил и Северный Кавказ. Эпоха кочевнических миграций заканчивается возвращением калмыков в 1771 г. в Центральную Азию. В историографии это событие известно как «торгоутский побег»⁹³. Великая степь как культурный феномен прекращает свое существование.

Каждая волна кочевников, захватывающая территорию Северного Кавказа, по-разному воздействовала на формирование культуры региона.

Хазария, просуществовавшая более 300 лет, с середины VII до второй половины X вв., оставила заметный след в культурном развитии адыгов, нахских племен, алан и народов Дагестана, входящих в состав Империи.

Во второй половине XI–XII вв. становление культуры народов Северного Кавказа проходило в непосредственном контакте с новой волной тюркоязычных кочевников – половцев.

⁹³ Колесник В.И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. – М., 2003. – С. 3.

XIII–XIV столетия на Северном Кавказе проходили под знаком монгольского вторжения, которое значительно перекроило этническую карту Северного Кавказа, изменило экономику, культуру и быт местных народов. Монгольское наследие сохранялось в культуре народов Северного Кавказа и в последующий период, в XV–XVII вв.

Источниковедческая база. Источниками по реконструкции и изучению средневекового северокавказского костюма являются археологические материалы, иконография, письменные свидетельства, фольклор и этнологические данные. В работе рассмотрены только те комплексы, в которых сохранилась одежда как системообразующая основа костюма. В исследовании используются материалы, полученные во время полевых работ, сборы из музейных коллекций в России, Китае, Франции, Великобритании, США, а также из частной коллекции Артура Липера, любезно предоставленные в наше распоряжение. Последние рассматриваются в качестве историко-культурного фона. В работе использовано более 100 комплексов, содержащих различные данные о тканях, одежде, убранстве костюмов, с широким фоном аналогий и параллелей из разных стран Передней, Центральной и Юго-Восточной Азии (в том числе Ирана, Турции, Китая, Кореи, Монголии).

Основное преимущество археологических находок одежды, обуви и головных уборов заключается в том, что они представляют собой достоверную основу костюма. Таким образом, реконструкция и исследование средневековых костюмов народов Северного Кавказа базируется на подлинных материалах.

Археологические материалы не дают полной картины для реконструкции. Информация, которая в них содержится, требует соответствующей дешифровки и интерпретации. В этой связи на помощь приходят источники другого характера – изобразительные, письменные, фольклор.

Важное место в исследовании отведено изобразительным памятникам – храмовой фресковой росписи, миниатюрной живописи, каменным изваяниям и рельефам, которые являются ценным подспорьем для реконструкции полного комплекса костюма, манеры ношения и расположения деталей одежды.

Среди письменных источников особой информативностью выделяются сообщения иностранных авторов, в разные периоды средневековья посетивших Северный Кавказ. Особое место занимает корпус источников, сведения которых непосредственно с историей региона не связаны, но в них содержатся данные о культуре народов и государств, в разные периоды контактирующих с Северным Кавказом: Византии, Ирана, Монгольской Империи. Содержащаяся в этих источниках информация, например, о костюме кочевников, тканях, изготовлявшихся в Монгольской империи, системе раздачи наградных одежд и т.п., помогает не только реконструировать костюм кочевников Кавказского улуса Джучи, но и понять его семантическое содержание.

Информация о костюмных комплексах содержится в устных эпических преданиях и фольклоре народов Северного Кавказа. Изучая костюм по нартским преданиям, можно уточнить некоторые детали археологических форм костюма: манеру ношения, связь с идеологическими представлениями и социальной историей общества. В эпосе содержатся упоминания практически всех составляющих кавказского костюма в контексте погребального обряда, торговых взаимоотношений, экономической дифференциации общества. Нартские предания запечатлели историческую действительность, в которой бытовал средневековый костюм.

Исследование археологического костюма в совокупности с этнографическими материалами способствует установлению соотношения между автохтонными кавказскими, а также тюркскими и иранскими компонентами в формировании культуры народов Северного Кавказа. Проникновение тюркских и иранских элементов в культуру степной полосы Евразии и Северного Кавказа имело место и привело в итоге к сложному

синтезу, вопрос о котором не может быть решен однозначно. Этническая атрибуция отдельных элементов костюма как показателя культуры народов Северного Кавказа способствует выявлению баланса всех ее составляющих.

В силу слабой разработанности проблем, связанных с кочевническим костюмом и шелковым текстилем монгольского времени, в отечественной науке, мы привлекали зарубежные источники историографического характера, среди которых следует назвать работы китайского исследователя Ж. Фена, рассматривавшего в своих трудах одежду средневековых китайцев династии Ляо и монгольские костюмы периода династии Юань⁹⁴. Некоторые вопросы, связанные с особенностями технологии и художественного оформления китайских, иранских и центральноазиатских шелков периода владычества монголов, рассмотрены в каталоге выставки «Когда шелк был золотом», проведенной музеем Метрополитен и Кливлендским музеем⁹⁵.

Каталог и фундаментальное исследование персидских шелков издали немецкие исследователи Р. Ньюман и Г. Мурза⁹⁶. В этом же направлении работает российский специалист Н.В. Сазонова, которая ввела в научный оборот коллекции сефевидских тканей из фондов Музея искусств народов Востока⁹⁷. Богатейший фактический материал по истории восточного средневекового текстиля содержит монография Н.Н. Соболева⁹⁸.

В качестве этнографических параллелей привлекались материалы исследований ведущих этнографов, специалистов по северокавказской одежде: С.Ш. Гаджиевой⁹⁹, Г.А. Сергеевой¹⁰⁰, Е.Н. Студенецкой¹⁰¹, а также по костюму Средней Азии и Казахстана: О.А. Сухаревой¹⁰², Н.П. Лобачевой¹⁰³, Г.П. Васильевой¹⁰⁴ и др.

Методологическая основа исследования. В самом общем виде методологической основой работы является принцип историзма, подразумевающий подход к истории общества как к изменяющейся во времени, развивающейся действительности, а также принцип детерминизма, который предполагает объективное

⁹⁴ Zhao Feng. Treasures in Silk. – Hong Kong, 1999; Recent Excavations of Textiles in China. – Hong Kong, 2002; Liao Textile and Costumes. – Hong Kong, 2004; The General History of Chinese Silk. – Soochow University Press, 2005. И др.

⁹⁵ Watt James C.Y. and Wardwell Ann E. When Silk Was Gold. General Asian and Chinese Textiles. – N.Y., 1997.

⁹⁶ Neumann R., Murza G. Persische Seiden. Die Gewebekunst der Safawiden und ihrer Nachfolger. – Leipzig. – 1988.

⁹⁷ Сазонова Н.В. Мир сефевидских тканей XVI–XVII вв. – М., 2004.

⁹⁸ Соболев Н.Н. Очерки по истории украшения тканей. – М. – Л., 1934.

⁹⁹ Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков XIX–XX вв. – Махачкала, 1960; Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. – М., 1976; Одежда народов Дагестана. – М., 1981.

¹⁰⁰ Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана и Чечни (По материалам Государственного Исторического музея) // КЭС. – Вып. VI. – М., 1976. – С. 155–187; Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана: Историко-этнографический атлас. – Пушкино, 2001.

¹⁰¹ Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. – М., 1989.

¹⁰² Сухарева О.А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. – М., 1979. – С. 77–103; История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX вв.). – М., 1982.

¹⁰³ Лобачева Н.П. Народная одежда как источник по этногенезу (К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана). – Вып. 3. – М., 1991; Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник. – Вып. IV. – М., 2001. – С. 69–94.

¹⁰⁴ Васильева Г.П. Головные и наkosные украшения туркменок XIX – первой половины XX вв. // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 174–205; Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. – М.: Наука, 1986. – С. 182–195; Ювелирные украшения как источник для этногенетических исследований (По материалам Туркмении) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – Вып. III. – М., 1991; Этнотерриториальные комплексы туркменских женских и девичьих украшений // Среднеазиатский этнографический сборник. – Вып. IV. – М., 2001. – С. 97–116.

существование взаимосвязей явлений, пространственных и временных корреляций, функциональных зависимостей. Но для создания историко-культурной модели необходим более конкретный метод исследования костюма как исторического источника. В качестве такого метода был использован метод репрезентации, базирующийся на основных направлениях герменевтико-феноменологической традиции, рассматривающей артефакт как факт истории и культуры. Этот метод позволил реконструировать материальный и социокультурный фон, способствующий объективному взгляду на костюм, как на исторический источник. Материальные и идеальные свойства костюма обусловили обращение к естественно-научным методам и методам структурно-семиотического анализа. На основе междисциплинарного характера использованных методов была создана новая концепция исследования костюма как исторического источника, которая позволяет с наибольшей полнотой раскрыть аккумулярованные в костюме культурно-исторические явления и процессы. Новая концепция базируется на принципе соответствия, подразумевающего связь с предшествующими теоретическими построениями в области исследования костюма. Методология и методические приемы подробно изложены в первой главе диссертации.

Научная новизна работы состоит в том, что в ходе исследования разработана концепция использования археологического костюма как историко-культурологического источника. В работе археологический костюм впервые рассматривается как источник для реконструкции этносоциальной истории народов Северного Кавказа на протяженном хронологическом отрезке – VII–XVII вв.

Для всестороннего раскрытия источниковедческого потенциала костюма предлагается новый репрезентационный метод исследования, позволяющий реконструировать материальный и социокультурный фон, объективированный в костюме. В результате применения данного метода были получены новые данные, характеризующие динамику хозяйственно-экономического развития северокавказского региона в эпоху средневековья и ценностные культурные ориентации, принятые и разделяемые всеми северокавказскими обществами.

Костюм впервые рассматривается как источник для характеристики народной ментальности, которая определяет общее понимание мира и отношение к происходящим в нем явлениям.

Впервые на широком культурно-историческом фоне проанализированы костюмы кочевников Золотой Орды. Это дало возможность сравнить комплексы, обнаруженные в Кавказском улусе Джучи, с реальными парадными монгольскими костюмами, известными по находкам одежд династии Юань, обнаруженным на территории Китая, а также по изобразительным источникам, выявить общее и особенное.

Впервые проведено широкое исследование шелковых тканей монгольского времени и предложена методика атрибуции техники и дизайна для установления их культурной принадлежности. Принципиально новым является опыт соотнесения находок археологического текстиля с названиями тканей, известных по средневековым письменным источникам, и составление атрибутивного текстильного словаря.

По-новому интерпретированы иранские «лицевые» ткани, обнаруженные в позднесредневековых склеповых могильниках Северного Кавказа. В исследовании они рассматриваются как способ персидской идеологической пропаганды в стремлении установления контроля над территорией Северного Кавказа со стороны Ирана, а также как одно из средств вовлечения северокавказских народов в орбиту мусульманского мира.

Впервые проведен компаративный анализ костюмов народов Северного Кавказа и Среднеазиатско-Казахстанского региона, в результате которого были выявлены формы одежды, имеющие общие древние прототипы, что позволяет наметить пути для дальнейшего исследования механизмов культурного взаимодействия сопредельных регионов в древности и в средние века. Сравнительный типологический анализ показал

существование контактной зоны культурного взаимодействия, где аккумулированы признаки северокавказских и среднеазиатско-казахстанских костюмных комплексов. Такой зоной является Дагестан с особым типом костюмов, совмещающих северокавказские и среднеазиатские черты. Установление контактной зоны культурного взаимодействия, выявленной в результате типологического сравнения разных костюмных комплексов, позволяет ставить вопрос о существовании подобных переходных зон для контактирующих археологических культур древности и средневековья.

В научный оборот впервые вводится ряд новых памятников. По-новому интерпретированы материалы из старых музейных коллекций, предшествующее исследование которых, как правило, имело описательный характер. Также в работе представлены научные каталоги неопубликованных коллекций одежды и тканей из средневековых памятников Северного Кавказа.

Принципиально новой является предложенная автором методика реконструкции археологического костюма, ее теоретическая аргументация и практическая реализация. Различный уровень источников позволил обосновать три типа реконструкции, имеющих аутентичный, достоверный и гипотетический характер. В работе впервые представлен полный визуальный ряд костюмов населения Северного Кавказа в различные исторические периоды средневековья.

В отличие от предшествующих работ, касающихся истории костюма, в диссертации приведены не только результаты, но и подробные методики исследования таксономической принадлежности природных материалов, использовавшихся в костюме, красителей тканей, аутентичных выкроек, технологических приемов изготовления одежды, что придает им характер открытого источника для других исследований.

Практическая реализация результатов исследования. Материалы, содержащиеся в исследовании, и результаты работы существенно дополняют и конкретизируют представления о культурном облике средневекового Северного Кавказа и характере культурного взаимодействия региона с Востоком и Западом. Они могут быть использованы в научных трудах, связанных с исследованием различных аспектов истории и культуры не только северокавказских, но и других народов Евразии в эпоху средневековья. Отдельные ранее опубликованные положения диссертации нашли отклик и поддержку коллег, работающих в смежных направлениях. Предложенный нами тезис о наличии поясной распашной одежды на половецких изваяниях, использовании ее средневековыми кавказскими аланами и этнографических параллелях этому виду одежды в киргизском костюме был поддержан Н.П. Лобачевой¹⁰⁵, М.С. Гаджиевым¹⁰⁶, С.А. Яценко¹⁰⁷. Изложенные в исследовании идеи о влиянии естественно-природных факторов на сложение цветовых предпочтений у народов Северного Кавказа были поддержаны Л.В. Самариной¹⁰⁸. А.Г.Юрченко согласился с нашей реконструкцией расположения лунного серпа и солярного диска – украшений на рукавах женского халата золотоордынского времени из могильника Новопавловский, но выразил сомнение относительно аргумента определения местоположения изображения светил, в качестве которого мы рассматривали пространственную ориентацию монголов. А.Г. Юрченко предложил связать семантику

¹⁰⁵ Лобачева Н.П. К истории среднеазиатского костюма: киргизские белдемчи // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 6. – С. 76, 81.

¹⁰⁶ Гаджиев М.С. К интерпретации бронзовой статуэтки воина из Гигатля (Дагестан) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Из истории костюма). – Самара, 2001. – Т. I. – С. 78.

¹⁰⁷ Яценко С.А. О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой степи // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Из истории костюма). – Самара, 2001. – Т. I. – С. 15.

¹⁰⁸ Самарина Л.В. Цвет в культуре карачаевцев и балкарцев (К истокам формирования традиции) // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, фольклор. – М., 2001. – С. 235.

правой и левой стороны с гендерным аспектом монгольского имперского этикета¹⁰⁹. Результаты нашего исследования аланских костюмов были использованы Д.В. Белецким при анализе одежды персонажей, изображенных на фресках христианского храма XIII – начала XIV вв. в осетинском селении Нузал в Алагирском ущелье¹¹⁰. С.С. Новиков провел историко-культурные параллели между аланскими костюмами, представленными на наших реконструкциях, и костюмами восточных марийцев¹¹¹.

Материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов и пособий по истории, культурологии и источниковедению народов Северного Кавказа, а также ираноязычных и тюркоязычных кочевников. Вопросы этнокультурной истории народов Северо-Кавказского региона на примере костюма рассматривались в курсах «Культурология» и «История культуры», прочитанных автором в Ставропольском государственном университете¹¹². Материалы монографии «Средневековый костюм народов Северного Кавказа»¹¹³ используются коллегами в университетских учебных курсах «История культуры народов Кавказа», «Историко-культурное наследие Северо-Кавказского региона», а также включены в программу обучения модельеров-конструкторов «История стилей в искусстве и costume» Ставропольского технологического колледжа. Материалы исследования и наша концепция костюма как исторического источника использованы также в лекционных курсах «Этнология народов России» и «Основы археологии», читаемых в Самарском государственном педагогическом университете.

Одним из важных аспектов практического применения исследования является возможность использования реконструкций костюмов в музейных экспозициях. Реконструкции кочевнических костюмов золотоордынского времени из могильника Джухта представлены в экспозиции археологического музея ГУП «Наследие» (Ставрополь) вместе с материалами, на основании которых они выполнены. Реконструкции аланских женских, мужских и детских костюмов были предоставлены для экспозиции Отраденского муниципального историко-археологического музея (ст. Отраденская Краснодарского края). Графические реконструкции аланских детских костюмов использованы при подготовке и проведении выставки «Археология детства: игрушки, игры и обряды в традиционных обществах» в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина¹¹⁴. Реконструкция аланского костюма XI–XII вв. использовалась на выставке «Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков», организованной Государственным музеем Востока (Москва, 2005). На основании предложенных нами графических реконструкций для экспозиции Казанского национального музея под руководством В.В. Хабарова подготовлены реальные аналогии комплексов костюмов золотоордынских кочевников.

Практическая значимость работы определяется также тем, что изучение большого количества древних тканей позволило усовершенствовать методики исследования природных лубяных волокон и природных красителей различными микроскопическими, химическими и хроматографическими методами. Результаты и опыт, полученные при исследовании древних тканей, применяются в настоящее время сотрудниками

¹⁰⁹ Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. – СПб., 2006. – С. 266, 544.

¹¹⁰ Белецкий Д.В. Заметки о нузальском храме // Историко-филологический архив. – Владикавказ, 2004. – № 2. – С. 22–57.

¹¹¹ Новиков С.С. Восточные марийцы. Философия, история, люди. – Уфа, 2007 (В печати).

¹¹² Доде З.В. Культурология: Программа. – Ставрополь, 1999; Доде З.В., Дуров А.А. История культуры: Методическое пособие. – Ставрополь, 2002.

¹¹³ Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: Очерки истории. – М., 2001.

¹¹⁴ Археология детства: игрушки, игры и обряды в традиционных обществах: Материалы к выставке. – Самара, 2005. – С. 16.

Ставропольской ЛСЭ ¹¹⁵ при производстве экспертиз по исследованию волокон растительного происхождения и тканей, окрашенных синтезированными антрахиноновыми красителями.

Апробация работы. Теоретические положения и практические результаты работы изложены в монографиях и публикациях общим объемом 45 авторских листов. Идеи и некоторые итоги исследования излагались на международных, всероссийских и региональных научных форумах. В их числе Международная конференция «Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья (Кисловодск, 1994); III Всероссийский научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященный 110-летию со дня рождения С.И. Руденко (Омск, 1995); научно-практическая конференция «Культурное и природное наследие в региональной политике» (Ставрополь, 1997); конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой (Ставрополь, 1997); Межрегиональная научная конференция «Интеллигенция Северного Кавказа в истории России» (Ставрополь, 1998); XX Международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Железноводск, 1998); Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Майкоп, 1992; Москва, 1996; Кисловодск, 2000; Ессентуки – Кисловодск, 2002; Москва, 2004; Нальчик, 2006); Всероссийская конференция к 10-летию Российского научно-практического центра по проблемам музейной педагогики «Образовательная деятельность художественного музея» (Ставрополь, 2000); Первые Санкт-Петербургские этнографические чтения «Этническое единство и специфика культур» (Санкт-Петербург, 2002); X и XI коллоквиумы «Ювелирное искусство и материальная культура» (Санкт-Петербург, 2002, 2003); Первая Всероссийская научная интернет-конференция «Новая локальная история» (Ставрополь, 2003); Международная научная конференция (в рамках конкурса «Адмиралтейская игла-2002, 2004») «Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии» (Санкт-Петербург, 2002, 2004); Международный конгресс востоковедов (Москва, 2004); Ежегодный конгресс Европейской Ассоциации археологов (Санкт-Петербург, 2003; Франция, Лион, 2004; Ирландия, Корк, 2005); Международный симпозиум «Шелковый путь и монгольское искусство эпохи Юань» (Китай, Ханчжоу, 2005); Международная научная конференция «Золотая Орда. История и культура» (Казань, 2006); III Международная научная конференция «Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне», посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (Москва, 2006); Первая Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Ю.Н. Воронова (Сухум, 2006); 21-й Международный конгресс византистов (Лондон, 2006). Отдельные положения диссертации изложены на семинаре в Институте археологии и классической древности в университете Бермингема (Великобритания, 2002), а также на научно-методическом семинаре «Textus» в Ставропольском государственном университете (Ставрополь, 2003, 2004, 2005).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав с выделенными параграфами, заключения, библиографического списка и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении отражена общая характеристика работы: обоснована актуальность и степень изученности археологических костюмов средневекового населения Северного Кавказа на широком хронологическом отрезке – VII–XVII вв., обозначены объект и предмет исследования, определены цель и задачи, методологические основы исследования, установлены хронологические и территориальные рамки, очерчена

¹¹⁵ ЛСЭ – Лаборатория судебных экспертиз.

источниковая база работы, охарактеризованы научная новизна, практическая значимость и апробация некоторых результатов диссертации.

Глава 1. Методологические основы исследования источниковедческого потенциала костюма

Как культурная форма костюм представляет собой совокупность одежды, головного убора и обуви, отражающих, главным образом, его утилитарные функции, а также убранства (отделка одежды аппликацией, вышивкой, нашивными бляшками и т.д., пояса, украшения, амулеты, оружие, косметика, прическа), которое превращает утилитарный комплекс в образно-семантическую систему. К костюму могут относиться также аксессуары (сумочки, кошельки, туалетные принадлежности и т.д.), то есть набор предметов, дополняющих костюм, но семантическая значимость которых в контексте комплекса сведена к минимуму и их наличие или отсутствие не нарушает структуру костюмного ансамбля. Очевидно, что в комплексе костюма не все элементы являются системообразующими. При отсутствии отдельных элементов убранства костюмный комплекс будет носить некую долю условности. Между тем отсутствие информации (не только собственно находок одежды, но и косвенных источников – изобразительных и письменных) о базе костюма – одежде вообще – не позволяет реконструировать костюмный ансамбль. Таким образом, рассматривая только элементы костюма, мы имеем дело лишь с фрагментарной информацией. В таком случае можно говорить лишь об элементах костюма или его убранства, употребление же рядом археологов понятия «костюм» применительно к отдельным предметам некорректно.

1.1 Методика реконструкции костюма

Характер реконструкции зависит от степени сохранности артефактов, количества и качества дополнительных источников (письменных, изобразительных, эпических и т.п.). В этой связи в работе обосновано три типа реконструкции костюмов.

Аутентичная (прямая полная) реконструкция полностью основывается на первоисточнике, то есть на артефактах, позволяющих восстановить крой одежды, ее пространственную форму, манеру ношения, комплекс убранства. При воспроизведении формы костюма учитываются конституциональные особенности индивида. Графическая реконструкция выполняется с учетом пропорционального соотношения антропологических данных и размеров одежды. Выполнение аутентичной реконструкции предусматривает воспроизведение подлинного орнамента и колорита тканей. В результате мы получаем реконструкцию подлинного костюма, выполненную в графической форме.

Обобщающая (аподиктическая) реконструкция используется в том случае, когда приходится составлять образ костюма по его остаткам из разных комплексов. Истинность реконструкции проверяется по изобразительным и письменным источникам. Аподиктическая реконструкция репрезентирует не конкретный археологический комплекс, а культурную форму, характерную для определенного историко-культурного пространства.

Гипотетическая реконструкция используется в тех случаях, когда присутствуют лишь элементы костюма и нет возможности восстановить системообразующую основу костюма – одежду, головной убор или обувь. Модель в этом случае строится на основании обоснованных материалами предположений. Гипотетический тип наиболее применим к первобытным эпохам, для которых нет иконографических и этнологических параллелей.

1.2 Теоретические основы исследования костюма как исторического источника

Новый репрезентационный метод исследования, предложенный для всестороннего раскрытия содержания костюма как исторического источника, базируется на основных направлениях герменевтико-феноменологической традиции, рассматривающей артефакт как факт истории и культуры. При разработке репрезентационного метода исследования

костюма мы опирались на теоретические положения известных российских и зарубежных философов и культурологов: М.А. Барга¹¹⁶, Х.-Г. Гадамера¹¹⁷, М. Вартофского¹¹⁸, Ю.Б. Борева¹¹⁹, Э. Гуссерля¹²⁰, Ж.-Ф. Лиотара¹²¹, К.А. Свасьяна¹²², Ю.М. Лотмана¹²³ и др. Этот метод позволил реконструировать материальный и социокультурный фон, объективированный в костюме. Репрезентация обладает свойствами релевантности, то есть смыслового соответствия между информационным запросом и сообщением, содержащимся в костюме как исследуемом объекте, а также интенциональности, в которой следует различать намерения субъекта и исследователя. С одной стороны, костюм является результатом целеустремлений и действий субъекта, сознательно стремящегося наделить объект определенной долей информативности, а с другой, костюм отражает явления не связанные с намерениями субъекта, но являющиеся значимыми для исследователя при изучении историко-культурной ситуации, что значительно расширяет источниковедческий потенциал костюма.

Опираясь на интенциональные и релевантные свойства репрезентации в пространстве текста костюма как исторического источника, выделены и подробно рассмотрены четыре уровня информации, характер которых инвариантен относительно любых костюмных комплексов. Эти уровни не обособлены, а зачастую информация на одном уровне служит ключом к пониманию смысла другой информативной части текста.

1.3 Костюм как исторический текст

Сенсуально-рационалистический уровень информации позволяет составить представление об объекте: его утилитарно-функциональных свойствах, форме костюма, составляющих его элементах, эстетических и утилитарных предпочтениях, качестве используемых материалов и т.д. На этом уровне устанавливаются определенные сведения о деятельности по производству костюмных форм, занятиях населения, ландшафтно-климатических условиях, определяющих использование тех или иных материалов, крой, выбор колорита и т.п. Данный уровень сопряжен с информацией о природной среде и экономической организации общества. На этой ступени применялись естественно-научные методы исследования (метод микроскопического и химического анализа, инструментальные методы исследования) и специальные подходы для установления технологии изготовления одежды.

Семиотический уровень информации. Семиотический анализ раскрывает понятия значения и смысла признаков объекта. Информация на этом уровне сопряжена с этносоциальным устройством общества, религиозно-магическими представлениями, политической организацией, художественно-эстетическими воззрениями. Рассматривая костюм на данном уровне информации, мы опираемся на семиотический подход, предполагающий выделение синтаксиса, прагматики и семантики.

Синтаксис – это определенный набор элементов костюма, которые конституируют положение владельца в культурном контексте. Понятие значения и смысла признаков костюма (элементов синтаксиса) раскрывает семантика, которая определяет элементы синтаксиса как знаки-признаки и знаки-символы. Знаки-признаки являются показателем того, что они обозначают. Так, количество используемого шелка в костюмах алан было

¹¹⁶ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М., 1989.

¹¹⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М., 1988.

¹¹⁸ Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М., 1988.

¹¹⁹ Боров Ю.Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика // Теории, школы и концепции (Критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика. – М., 1985. – С. 3–68.

¹²⁰ Гуссерль Эдмунд. Философия как строгая наука. – Новочеркасск, 1994; Картезианские размышления // Логические исследования. Картезианские размышления. – Минск – М., 2000.

¹²¹ Лиотар Жан-Франсуа. Феноменология. – СПб., 2001.

¹²² Свасьян К.А. Феноменологическое познание. – Ереван, 1987.

¹²³ Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2000.

показателем социального расслоения и соответственно положения владельца в обществе. В знаках-символах заключен наглядный образ содержащегося в нем смысла. Золотые навершия на шлемовидных головных уборах символизировали солнце, на что прямо указано в нартском эпосе. Прагматика – конкретное информационное содержание, заключенное в определенных элементах костюма, которое определяет соответствующую реакцию и поведение тех, кто использует и воспринимает костюм как сигнальную систему.

Прагматический смысл семиотики костюма лежит в поле ценностных ориентаций, принятых в обществе. Разделяемые обществом ценности характеризуют его ментальность, которая определяет общее понимание мира и отношение к происходящим в нем явлениям. Именно это обстоятельство делает северокавказский костюм этнорегиональным символом, а не набором сходных форм одежды, обуви и головных уборов.

Культурологический уровень информации. Культурологический аспект изучения костюма строится на известных принципах подхода к проблеме формирования культуры как к процессу взаимодействия моноэтнических традиций и полиэтнических инноваций на синхронном и диахронном уровнях. Это позволяет рассматривать костюм в контексте культурной динамики от начального момента формирования до заключительного этапа складывания народной культуры в результате диахронного и синхронного взаимодействия. Исследование костюма в территориальном аспекте культурогенеза позволяет установить векторы культурного взаимодействия и причины изменения их направлений, диагностировать механизмы территориально-культурных контактов местного северокавказского населения и пришлых групп кочевников, констатировать характерные признаки зон культурно-исторического взаимодействия, определить степень влияния основных цивилизационных факторов (кочевнического, христианского, мусульманского) на формирование культуры Северо-Кавказского региона.

Исторический уровень информации. Вышеперечисленные информационные аспекты костюма как исторического источника могут быть поняты и правильно оценены лишь при рассмотрении их в конкретных исторических условиях и связях.

Культура не всегда первична, и в определенных случаях именно исторические события являются импульсом для культурного процесса. Так, например, появление шелка в горах Северного Кавказа в VII веке было вызвано конкретной исторической ситуацией. Шелковые ткани у аланских племен появились после изменения направления одной из трасс Великого шелкового пути в результате ирано-византийских войн. На историческом уровне информации выявляются не только события или явления, отразившиеся в костюме, но также культурно-исторические взаимодействия, которые выявляют материально-ценностные контакты, семантически знаковые соприкосновения, социально-политические связи и идеологический обмен.

1.4 Денотаты и номинации. К вопросу о терминологии

Для археологических предметов существует достаточно устойчивая терминология, чего нельзя сказать о предметах одежды. Общеупотребительных названий не всегда достаточно для адекватного описания сохранившихся артефактов. Поэтому в работе аргументирован выбор номинаций для предметов одежды из средневековых памятников Северного Кавказа и в приложении приведен словарь использованных терминов.

Глава 2. Раннесредневековые костюмы северокавказского населения (VII – первая половина XIII вв.)

В рамках исследования раннесредневекового аланского костюма выделены два хронологических периода: VII – первая половина XI вв., связанный с историей Хазарского каганата, и вторая половина XI – первая половина XIII вв., проходивший в контакте со степняками-половцами.

2.1 Костюмные комплексы VII – первой половины XIII вв.

Археологические находки одежды из собственно хазарских памятников практически неизвестны. Весьма ограниченный круг изображений носит условный характер, не позволяющий достоверно восстановить хазарский костюм. Вопрос о хазарском костюме как этнокультурном признаке остается открытым. Но на широкой территории Евразии тюркоязычные кочевники носили одежду практически одинаковой формы: приталенный, расклешенный, распашной кафтан длиной до колен, с характерными отворотами ворота, образующими лацканы. Эти признаки, очевидно, характеризовали и хазарскую одежду. Вероятно, что, находясь в непосредственном контакте с хазарской правящей верхушкой, аланская знать носила костюмы, принятые при хазарском дворе, как показатель социальной престижности. Имеющиеся на сегодняшний день материалы из могильников Подорванная Балка, Хасаут, Улукол, Эшкакон, Амгата и др. позволяют с документальной точностью реконструировать именно аланский костюм и на основании изобразительных источников установить его соответствие не столько хазарскому, сколько общетюркскому средневековому комплексу.

Аланский мужской костюм состоял из коротких штанов с широким шагом, чулок, кафтана, конструкция которого основана на распашном характере кроя, мягкой кожаной обуви без подметок и головного убора. Этот набор был основным у населения Северного Кавказа в VII–XI вв., что подтверждают аланские изобразительные памятники. Необходимым элементом мужского костюма, неразрывно связанным с оружием и утилитарно, и семантически, был пояс с металлическим гарнитуром.

Поясная женская одежда и обувь не отличались от мужских форм. Характерными элементами женского костюма было верхнее платье прямого свободного силуэта с запаузным карманом и сложные головные уборы, конструкция которых была подчинена необходимости тщательно спрятать женские волосы. Девичьи шапочки и начельные диадемы оставляли волосы открытыми. Возрастных отличий в верхней одежде алан не было. Детские платья шили по той же выкройке, что и одежду для взрослых.

Убранство аланского костюма отличается многообразием и разнородностью предметов, а также полифункциональностью некоторых из них. Женщины использовали большое количество украшений, амулетов и аксессуаров.

В раннем средневековье бусы были характерным украшением женского платья. Аланки закрепляли ожерелья в плечевых петлях на платьях узлами или фибулами. Аланским амулетам посвящена многочисленная археологическая литература. Наша задача состояла в том, чтобы рассмотреть амулеты как элемент костюма и за стереотипным и массовым материалом увидеть индивидуальные предпочтения и частное отношение человека к выбору амулетов. При таком подходе специальное внимание обращено на редкие нестандартные находки: ожерелья, состоящие из раковин, косточек персика, плодов водяного ореха, использование в магических целях зерен черного перца, сандалового дерева и т.п. В проникновении в аланские языческие представления элементов из других верований, подчас из очень далеких культур, видна уникальность времени. Вместе с тем многочисленные амулеты, находящие параллели в этнографических северокавказских материалах, можно интерпретировать как свидетельство материального и духовного единства при формировании северокавказского культурно-исторического ландшафта. Несмотря на принятие аланами христианства, языческие представления еще долго сохранялись в культуре северокавказских народов.

2.2 Костюмные комплексы в. п. XI – п. п. XIII вв.

Крушение Хазарского каганата привело к восстановлению независимости и политической централизации Алании, в состав которой входили многие народы Северного Кавказа. Во второй половине XI–XIII вв. Северный Кавказ оказывается под мощным влиянием половцев. Костюмы северокавказского населения в этот период известны по археологическим материалам из аланских могильников Змейский (Северная Осетия), Рим-Гора и Кольцо-Гора (в Кисловодской котловине). Сравнительный анализ

археологических находок и одежд, изображенных на половецких изваяниях, позволяет говорить о том, что в обозначенный период Северный Кавказ испытал влияние новой волны тюркской моды. Именно в половецкое время определился силуэт этнографического северокавказского женского платья, которое по форме стало максимально схожим с мужской верхней одеждой: приталенным, расклешенным и распашным, требующим пояса как конструктивного подкрепления, в отличие от предшествующего периода, когда женщины носили неподпоясанное платье прямого кроя. Изменения происходят и в манере ношения верхней мужской одежды: более короткое и тонкое платье стали надевать поверх длинного и плотного. Появилась новая деталь костюма – набедренная юбка бельдек.

Отсутствие большого количества узорных шелков в костюмах XI–XII вв. и замена их золочеными аппликациями в одежде связаны с сокращением поступления импортных тканей, что не нашло пока должного объяснения. Возможно, сокращение торговых отношений в какой-то мере отразилось и на исчезновении бус из женского костюма.

2.3 Внешность раннесредневекового населения Северного Кавказа

Представления о внешности раннесредневекового населения Северного Кавказа позволяют составить письменные свидетельства византийских авторов Аммиана Марцеллина, Михаила Пселла, Анны Комниной, арабского историка и путешественника ал-Масуди, а также данные нартского эпоса. Археологически засвидетельствовано, что волосы и бороды аланы окрашивали хной, женщины использовали румяна из охры. Набор растений, произрастающих на Северном Кавказе, позволяет предположить, что аланки, славившиеся своей свежей и нежной кожей, умывались отварами особых трав и использовали их для ухода за своей внешностью.

2.4 Костюмы персонажей Кяфарской гробницы

В качестве примера того, как сами аланы изображали свой костюм и какие детали одежды художники выбирали в качестве знаковых, рассматриваются изображения Кяфарской гробницы аланского правителя XI в. Среди изображенных на стенах гробницы костюмов выделяются мужские и женские одежды, разные по силуэту, облачение священнослужителя христианского культа и две разновидности светского мужского костюма. Фигура женского персонажа изображена в просторном неподпоясанном платье прямого силуэта и тюрбанообразном головном уборе. Фигуры в одежде приталенного и расклешенного силуэта атрибутируются в содержании рельефных сцен, как мужские персонажи. На рельефах Кяфарского мавзолея, на каменной плите из Кочубеевского района Ставропольского края, на рельефах храма Тхаба-Ерды в Ингушетии и на изваянии, изображающем аланского воина с Длинной Поляны в Архызе, воспроизведен один и тот же силуэт верхней мужской одежды. Костюм главного героя, для которого создавалась Кяфарская гробница, отличается от других персонажей остроконечным навершием головного убора, высокими сапогами и секирой, символом царского статуса. Все формы одежды, изображенные на рельефах, имеют прямые аналогии среди археологических находок, их семантика раскрыта в преданиях нартского эпоса.

2.5 Кавказский текстиль VII – первой половины IX вв.

Решение вопроса о характере и происхождении текстильных волокон имеет важное значение для истории хозяйственно-культурного развития северокавказских народов в раннем средневековье. Определение таксономической принадлежности текстильного сырья проводили на основе микроскопического исследования волокон в поляризованном свете, а также на основе химического воздействия специфическими реагентами. При этом в поляризованном свете для волокон льна и пеньки наблюдались различные картины. В работе обоснована методика определения видовой принадлежности лубяных волокон. В результате исследования 213 образцов установлено, что 143 (67,1 %) выполнены из волокон льна, 28 (13,1 %) – конопля, 31 (14,5 %) являются смеском конопля

и льна. Небольшой процент составляют хлопковые ткани, смесок хлопка и льна, льна и шерсти.

С уверенностью можно сказать, что для населения Северного Кавказа в раннем средневековье лен был сырьем для одежды основной массы населения. Льняное сырье выращивали и обрабатывали на месте, что подтверждается письменными источниками, сведениями нартского эпоса и данными палеоботаники. Конопляное сырье использовали значительно меньше, чем льняное. Расчеты показали, что культивирование льна было более экономичным. Чтобы изготовить одинаковое количество изделий, производство конопли требовало в 2,3 раза больше посевных площадей, чем производство льна. Кроме того, для изготовления конопляных тканей высокого качества требовалось больше трудозатрат, чем для изготовления льняного текстиля.

Производство пряжи и холста исторически всегда было делом рук самих земледельцев. Частые находки деталей ткацких станков и пряслиц в женских захоронениях свидетельствуют о том, что прядение и ткачество повсеместно являлись домашними промыслами.

2.6 Реконструкция социально-ценностной прагматики в костюмах средневекового населения Северного Кавказа

В костюме с помощью конкретных символов половозрастной или социально-экономической дифференциации, этнической или религиозной принадлежности получали выражение ценностные и этические представления. В аланском костюме оппозиция «мужское – женское» связана не только с дифференциацией социальной роли мужчин и женщин, но и с этическими ценностями, принятыми в обществе. Функция мужчины-воина противопоставлена репродуктивной функции женщины. Внешне это выразилось в обязательности пояса, неразрывно связанного с оружием в мужском костюме, и принципиальном отсутствии пояса в женском платье прямого широкого силуэта с нашитыми на его подол амулетами плодородия. В аланском обществе отношения полов базировались на главных гендерных функциях мужчин и женщин, представлявших собой более древнее общественное явление, чем отношения собственности.

Представления о жизненном цикле и его этапах прослеживаются в аланском костюме в изменении длины нагрудного разреза платья и последовательной смене женских головных уборов (детские, девичьи, убор женщины-матери). Девичий головной убор маркировал не социальное положение, а биологический возраст, указывающий на потенциальную способность к деторождению. Только после реализации женщиной фертильной функции она приобретала социально-значимый статус, который был обозначен новой формой головного убора.

Юношу, включенного в состав дружинной организации, от мальчика отличал пояс с боевым оружием.

Количество шелка в аланском костюме обозначало социально-правовое положение, определяемое знатностью рода и воинской доблестью индивида, что выразилось в северокавказской пословице о людях знатного происхождения, впавших в бедность: «Ветхая тряпка, да шелковая». Золотые наверхия на мужских головных уборах, как свидетельствуют данные эпоса, символизировали солнце. Солнечный свет и тепло, дающие жизнь и силу, ассоциировали с положительными категориями, которые соотносили с морально-этической оценкой доблестного героя. Человек, стоящий ниже на социальной лестнице, обладал меньшей долей качеств, олицетворявших благородство, или не обладал ими вовсе. Морально-этическая оценка «мелких», «ничтожных» людей через сравнение с элементами костюма выражена в эпизоде нартского эпоса, где сафьяновый чуйак говорит сыромятному: «Мерзкое ты дерьмо, ведь меня шила юная девушка, а ты щетина, ты же дрянь»¹²⁴.

¹²⁴ Нарты: Абазинский народный эпос. – Черкесск, 1975. – С. 152.

Костюм отражал некую ментальную составляющую, которая и определяла северокавказский костюм как этнорегиональный символ.

2.7 Костюм в историческом контексте средневековья

Трактовка элементов аланского костюма в исторических событиях и явлениях. Являясь знаковой системой в средневековом обществе, костюм нес самые различные смысловые нагрузки. В том числе дары одежд от византийского двора варварским правителям заключали в себе определенный смысл. Такой род гостинцев в форме одежд и тканей объяснялся не только драгоценностью последних. При византийском дворе покрой, цвет, характер нашивок являлись знаком социального положения обладателя. Таким образом, жаловались не столько сами одежды, сколько социальный статус, который они символизировали. Поэтому пристрастие варваров к византийскому облачению объяснялось не просто желанием обладать драгоценными тканями, а именно одеждами царскими. Это связано с политической ситуацией в варварских обществах, переживавших процесс образования государственности, для которых византийские облачения считались символом законности власти.

Средневековый костюм народов Предкавказья в контексте нартского эпоса. Важная роль в раскрытии внутреннего содержания средневекового костюма принадлежит устным народным преданиям. В нартском эпосе костюму уделено самое большое место по сравнению с описанием других элементов материальной культуры. Рукоделие и шитье отмечены в сказаниях особо, при этом подчеркнута, что последние были основным занятием кавказских женщин. Умение рукодельничать ставилось в один ряд с красотой при выборе невесты. Имеющиеся в эпосе описания одежды соотносятся с археологическими находками. В период VII – первой половины XIII вв. каких-либо принципиальных локальных различий в формировании костюма на всей территории Северного Кавказа, по археологическим материалам, не выявлено. В преданиях всех северокавказских народов упоминаются одинаковые составляющие костюма в единой интерпретации, что подтверждает общность условий развития материальной культуры народов Северного Кавказа и формирования нартского эпоса как художественно переработанного отражения исторической действительности.

2.8 Истоки и этнографические параллели средневекового северокавказского костюма

Костюмные комплексы древних ираноязычных и тюркоязычных кочевников обнаруживают больше сходства, чем различия. Одежда и тех и других была сшита по сложной выкройке, что, собственно, и отличало ее от классической одежды античного мира, которую просто драпировали вокруг фигуры. Причина сходства в том, что оба комплекса сформировались как одежда всадника и окончательно сложились еще до середины I тысячелетия до н.э.

Крой аланского кафтана вполне соответствует крою этнографической черкески. Покрой верхней одежды не только сохранился в этнографическом платье, но стал господствующим в одежде народов Северного Кавказа. Среди археологических видов поясной аланской одежды выявляются прямые параллели с этнографическими аналогами. Прежде всего это штаны с широким шагом, исключительно удобные для верховой езды и широко распространенные в костюме северокавказских народов. Распространение наборных поясов относится к VII в. и связывается с тюрками.

Крой аланского женского платья полностью соответствует этнографическим женским рубахам, которые у некоторых народов Северного Кавказа являются достаточным видом одежды; в них позволительно находиться не только в доме, но и за его пределами. Покрой верхней женской одежды изменился в результате контактов со степняками-половцами. Единовременный отказ от веками сложившихся форм – кроя,

конструкции, силуэта верхнего платья – нельзя объяснить только влиянием моды. Очевидно, здесь скрыты более сложные причины. Они могут быть связаны и с изменением положения женщины в обществе, и с переменой характера ее занятий, ибо народный костюм всегда отвечает потребностям повседневной жизни.

Местное население Предкавказья активно воспринимало кочевнические приемы декора одежды, положившие начало кавказскому золотному шитью. В то же время в современном этнографическом кавказском платье сохранились приемы убранства одежды металлическими нашивными украшениями, что следует связать, вероятно, с иранской традицией.

Глава 3. Костюмы и ткани кочевников Кавказского улуса Золотой Орды

В XIII–XIV вв. Северный Кавказ входил в состав Золотой Орды. Включенность Северного Кавказа в военно-административную систему улуса Джучи открывала широкие возможности для политических и культурных влияний доминирующей группы – монголов. Прямое монгольское влияние проявилось в военно-административной сфере, а именно в системе поясных наборов, прическе и вооружении. В более широкой культурно-бытовой сфере (производство керамики, тканей, предметов украшения) был неизбежен синтез традиций покоренных монголами народов, так как политико-культурная направленность Монгольской империи заключалась не столько в расширении пастбищных территорий, сколько в подчинении «территорий с иным хозяйственно-культурным типом»¹²⁵.

3.1 Костюмные комплексы

В данном параграфе рассмотрены северокавказские костюмные комплексы второй половины XIII–XIV вв. Реконструированы костюмы золотоордынского населения, обнаруженные в погребальных памятниках Джухта и Новопавловский, а также кочевнические костюмы, найденные на сопредельной территории в могильнике Вербовый Лог, расположенном в междуречье Дона и Сала. Исследование проведено с привлечением широкого круга археологических аналогий, изобразительных и письменных источников.

3.2 Этнокультурные особенности одежды

Различные признаки костюмов кочевников позволяют обозначить узкую культурную традицию и соответственно классифицировать костюмы по этнокультурной принадлежности. Правый запах одежды, женский головной убор боктаг и отсутствие пояса в женском платье, различия в форме женской и мужской одежды – монгольская традиция. Левый запах или застежка «встык», стоячий воротник, наличие пояса в женском платье и головные уборы с коническим навершием, тождество кроя женской и мужской одежды – тюркские черты.

3.3 Имперское наследство в костюме кочевников улуса Джучи

Отраженные в костюме знаки и символы, которые маркировали статус индивида в имперской культуре, упорядочивали социальное пространство монгольского общества. Золотой пояс, шапки, украшенные системой перьев цапли, ритуальные топоры указывали на принадлежность их владельца к элитарной группе. Шелковые одежды при массовых раздачах очерчивали значительно более широкую группу, что следует рассматривать как интегрирующий фактор. Шелковые одеяния, независимо от этнической принадлежности их носителей, выступали как признак включенности в новую социальную среду.

3.4 Женские головные уборы Золотой Орды. Соотношение этнического и политического содержания

Политическая функция монгольского женского головной убора боктаг выражалась в том, что его носили те женщины, мужа которых были причастны к

¹²⁵ Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 33.

управлению Империей. Головные уборы с коническим навершием, выявленные в золотоордынских погребениях, продолжают тюркскую традицию, связанную с кыпчаками, половцами или другими центральноазиатскими племенами.

Параллельное существование в золотоордынской культуре боктаг и конических головных уборов свидетельствует о сохранении тюрками своих этнокультурных стереотипов поведения и о существовании автономных кочевых групп, чьи лидеры не были включены в жесткую иерархию новой власти и потому их жены не могли носить боктаг. Копирование и воспроизведение некоторых элементов декора на тюркских головных уборах свидетельствует о значимости боктаг как символа высокого статуса.

В имперском ландшафте форма кыпчакских головных уборов оставалась значимым символом для обозначения этнической и культурной самоидентификации.

3.5 Проблемы атрибуции шелковых тканей из золотоордынских погребальных памятников

Анализ шелковых тканей монгольского периода позволил установить критерии для определения художественной традиции дизайна и технологические параметры, характерные для китайских, центрально-азиатских и восточно-иранских ткацких центров. Хотя сами по себе технологические признаки в условиях контаминации текстильных традиций не указывают на центр изготовления ткани, но важны в совокупном анализе технологии ткачества, красителей и дизайна. Основными критериями определения художественной доминанты в дизайне тканей являются устойчивая иконографическая традиция, соблюдение стилистических норм, четкая символика образов, находящая подтверждение в определенной мифологической системе, детали орнамента, не несущие в художественном отношении основной нагрузки, но наделенные важным семантическим смыслом, который, как правило, известен носителю культурной традиции, а при заимствовании утрачивается, приводя к искажению или исчезновению самих деталей.

В результате опыта установления соответствия между археологическими находками текстиля и названиями тканей, известными по средневековым письменным источникам, удалось выявить шелковые ткани насидж, сендал и нак, обнаруженные в улусе Джучи, а также установить основные характеристики тканей букаран, балдакин, банбасин, кремози, камлот.

Государственный интерес к шелку в Монгольской империи был основан не только на его высокой стоимости и атрактивности, но также на его гигиенических свойствах. Шелковые ткани несовместимы с жизнедеятельностью платяных вшей, которые являются наиболее опасным возбудителем, вызывающим эпидемии сыпного тифа и других массовых заболеваний. Очевидно, этим свойством шелка объясняется его широкое использование не только в костюме, но и в дворцовых интерьерах, изготовлении постельных принадлежностей, предназначенных как для ханских покоев, так и для постоянных дворов на почтовых станциях.

Глава 4. Костюмы северокавказского населения в XIII–XVII вв.

Анализ материалов из могильников XIII–XVII вв. на обширной территории Северного Кавказа показывает единую линию развития костюма северокавказского населения по территориальному и хронологическому принципам. Единые формы нательной плечевой и поясной одежды, а также обуви имеют прямые аналогии в аланских памятниках раннего времени – VII–X вв. Сохраняется крой мужской плечевой одежды – кафтанов северокавказского типа. Общность северокавказского костюма прослеживается также в едином комплексе украшений, выявленных в памятниках Осетии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Чечни и Ингушетии. Вместе с тем, прослеживается влияние со стороны имперского монгольского костюма на костюм северокавказской знати. Такие одежды северокавказского нобилитета выявлены в Белореченском могильнике и засвидетельствованы на изображениях одежды северокавказской аристократии на фресках Нузальского храма. Они имеют прямые соответствия в изобразительных памятниках

иранского круга, а также в одежде других народов, которые находились в непосредственной сфере монгольского влияния. Иран, входящий в государство Ильханидов, и Кавказ как часть Золотой Орды находились в едином политико-культурном пространстве Империи, поэтому возникла такая общность костюмов. Основное население Северного Кавказа в период монгольского владычества сохраняло традиционные формы костюма. Это прослеживается по материалам Дзивгисского некрополя и могильника Байрым.

У местного населения сохранялась традиция выделки домашних тканей из шерстяного и кендырного сырья. Но анализ полотняных тканей из позднесредневековых склепов показывает резкое сокращение использования растительных волокон местным населением по сравнению с ранним периодом VII–X вв. С XV–XVI вв. начинается преобладание привозных хлопчатобумажных тканей. Среди импортных шелков доминирует продукция иранского производства. Персия использовала шелковые лицевые ткани с сюжетными изображениями в качестве средства распространения ислама на Северном Кавказе для установления своего господства в этом регионе. Вместе с тем, иранские ткани могли поступать сюда также из России, которая стремилась укрепить на Кавказе свои позиции. С другой стороны, импортные ткани свидетельствуют о доступе тех или иных территорий Северного Кавказа к торговым рынкам.

К XVI–XVII вв. уже сложились основные элементы северокавказского костюма – женские кафтанчики и платья распашного кроя с металлическими нагрудниками и поясами, а также мужские бешметы и черкески с газырницами. Между тем, в северокавказских костюмных комплексах прослеживаются локальные особенности. «Курхарс» и массивные височные подвески являются своеобразными элементами ингушского костюма, нехарактерными для общего северокавказского комплекса. Это своеобразие начинает фиксироваться в период позднего средневековья.

Глава 5. Костюм как этнорегиональный символ культурно-исторического ландшафта Северного Кавказа

5.1 Сложение цветовых предпочтений в costume народов Северного Кавказа

Возможность использовать для окрашивания тканей местные растения, была одинаковой у всех народов Северного Кавказа, и не влияла на формирование цветовых предпочтений. Но в costume адыгских и тюркских народов Кавказа преобладает красный цвет. Вайнахи предпочитают пестрые и яркие ткани однотонным. Колористические предпочтения и понятия о цветовой гармонии у северокавказского населения формировались под влиянием окружающей среды и ее красок. Разнообразие северокавказских ландшафтов и пейзажей сформировали различное отношение к выбору цвета. Важную роль в складывании цветовых предпочтений играла цветовая символика. В этнографическом материале и археологических находках костюмов отчетливо прослеживается социальная символика красного цвета. Знаком социального статуса в этнографическом северокавказском costume является белый цвет черкески, бурки, папахи, которые категорически запрещалось носить людям неблагородного происхождения.

5.2 Средневековый costume народов Северного Кавказа как историко-культурный феномен

Костюм народов Северного Кавказа формировался в русле культурогенеза как одного из видов социальной и исторической динамики культуры. В средневековом costume отразилась сущность культурогенеза как процесса постоянного самообновления культуры. Костюм достаточно полно вобрал в себя составляющие феномена складывания культуры – традиции и инновации, взаимодействующие на диахронном и синхронном уровнях.

На диахронном уровне передавались взаимодействующие между собой моноэтнические традиции.

На синхронном уровне культурогенеза происходит трансформация полиэтнических инноваций. В комплексе полиэтнического взаимодействия на Северном Кавказе в эпоху средневековья выделяются несколько основных компонентов: местный (автохтонные культуры, аланы), степной центрально-азиатский (авары, согдийцы, половцы, монголы), христианский (Византия, Грузия). Оказывали влияние эпизодические импульсы из Китая и Италии.

5.3 Сравнительный анализ костюмов народов Северного Кавказа и Среднеазиатско-Казахстанского региона

В результате сравнения комплексов женского и мужского костюмов народов, населяющих сопредельные регионы – Северный Кавказ, Среднюю Азию и Казахстан, установлено сходство в составе костюма, кроме некоторых видов одежды, головных уборов и обуви. Сходство объясняется не только длительными культурными контактами сопредельных регионов, в результате которых проходили заимствования и обмен культурными ценностями, но и существованием в прошлом общих этнокультурных компонентов в культурогенезе народов, проживающих на Северном Кавказе и в Среднеазиатско-Казахстанском регионе. Наибольшее сходство прослеживается в тех элементах костюма, которые связаны с тюркским компонентом культуры.

Однако крой и пространственная форма верхней женской и мужской одежды, ее силуэт, цветовая гамма и декор в costume народов Северного Кавказа и Среднеазиатско-Казахстанского региона принципиально отличаются. Но между контактирующими регионами не было резкой культурной границы. В связи с этим определена переходная зона культурного взаимодействия, в качестве которой был рассмотрен Дагестан. Выявлены характерные признаки переходной зоны культурно-исторического взаимодействия, определяющиеся в равной мере наличием северокавказских и среднеазиатских признаков в дагестанских костюмах.

На Северном Кавказе религиозные установки ислама не отразились в семантике национального костюма в той степени, как это произошло в соседнем регионе, где они сыграли значимую роль в изменении семантического значения женских головных накидок и складывании семантического содержания мужских поясов и чалмообразных головных уборов.

В заключении подведены итоги, соответствующие поставленным задачам. Археологические материалы по костюму рассмотрены как источник, позволивший реконструировать этносоциальные, политико-экономические и идеологические аспекты средневековой истории народов Северного Кавказа. Разработанный метод исследования костюма позволяет ответить на вопрос «почему?», а не только «как?» одевались люди той или иной культуры или эпохи. Такая методика исследования костюма значительно расширяет его возможности как историко-культурного источника, поскольку позволяет рассматривать костюм не только как явление материальной и духовной культуры, но и как социальный акт, устанавливающий многообразные связи в рамках той действительности, отражением которой он служит.

Приложения включают альбом иллюстраций, каталоги одежд и тканей, альбом реконструкций, аналитические таблицы, методики и результаты таксономических исследований, терминологический словарь.

Работы, опубликованные автором по теме диссертации:

Монографии

1. Доде, З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа : очерки истории / З. В. Доде. – М. : Восточная литература, 2001. – 136 с. – 8,7 п. л.

2. Доде, З. В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог / З. В. Доде // Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала : материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / М. В. Власкин, А. И. Гармашов, З. В. Доде, С. А. Науменко. – М. : Памятники исторической мысли, 2006. – Вып. VI. – С. 77–217. – 6,1 п.л.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах из перечня журналов, рекомендованных ВАК Минобразования России

3. Доде, З. В. Средневековый костюм народов Предкавказья в контексте нартского эпоса / З. В. Доде // Научная мысль Кавказа. – 1997. – № 1. – С. 49–57. – 1 п.л.

4. Доде, З. В. «Шелковый рай» на Северном Кавказе. Иранская лицевая ткань XVI века из коллекции Б.А. Куфтина / З. В. Доде // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 68–76. – 1 п.л.

5. Доде, З. В. Уникальный шелк с «драконами» из могильника Джухта (Северный Кавказ) / З. В. Доде // Российская археология. – 2005. – № 2. – С. 138–150. – 0,8 п.л.

6. Доде, З. В. Технические характеристики тканей из могильника Джухта-2 / З. В. Доде, И. А. Сергеева // Российская археология. – 2005. – № 2. – С. 149–150. – 0,15 п.л. (авт. 0,07).

7. Доде, З. В. Символы легитимации принадлежности к империи в костюме кочевников Золотой Орды / З. В. Доде // Восток. – 2005. – № 4. – С. 25–35. – 1 п.л.

8. Доде, З. В. Отражение социальных ценностей в костюмах средневекового населения Северного Кавказа / З. В. Доде // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 1. – С. 146–160. – 1 п.л.

Статьи и доклады

9. Доде, З. В. Восток и Запад в культуре алан VIII–IX вв. (По материалам могильника Подорванная Балка) / З. В. Доде // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века : тезисы докладов V региональной научной конференции. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. н/Д гос. пед. ин-та, 1990. – С. 7–8. – 0,1 п.л.

10. Доде, З. В. Аланский женский головной убор из могильника Подорванная Балка в Нижнем Архызе / З. В. Доде // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии : сборник научных трудов. – Черкесск : КЧНИИИФЭ, 1991. – С. 124–131. – 0,4 п.л.

11. Доде, З. В. К вопросу о культурных связях населения Нижнеархызского городища в VIII–IX вв. / З. В. Доде // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа : тезисы докладов. – Майкоп : Изд-во «Адыгея», 1992. – С. 72–73. – 0,1 п.л.

12. Доде, З. В. Средневековый костюм народов Центрального Предкавказья как источник по истории региона в VII–XIV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / З. В. Доде. – М., 1993. – 24 с. – 1 п.л.

13. Доде, З. В. Костюмы персонажей Кяфарской гробницы / З. В. Доде // Аланская гробница XI века : сборник статей. – Ставрополь : АРС-дизайн, 1994. – С. 36–50. – 1 п.л.

14. Доде, З. В. Находки в могильнике Подорванная Балка как свидетельство функционирования Шелкового пути / З. В. Доде // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья : сборник тезисов докладов. – Кисловодск : СУВШП ; КФГОКМ ; КНИФСУ, 1994. – С. 10–13. – 0,2 п.л.

15. Доде, З. В. Костюм алан VII–X вв. на рельефных сценах гробницы с реки Кривой / З. В. Доде // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Кисловодск, 1994. – С. 52–53. – 0,1 п.л.

16. Доде, З. В. К вопросу о методике реконструкции археологического костюма (По материалам кавказских могильников VII–IX вв. н.э.) / З. В. Доде // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы III Всероссийского научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения С. И. Руденко. – Ч. 1. – Омск, 1995. – С. 49–53. – 0,5 п.л.
17. Доде, З. В. Об одном аспекте изучения тюркской проблематики в советской исторической науке / З. В. Доде // XIX Крупновские чтения. Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (Москва, апрель 1996 г.) : тезисы докладов. – Москва, 1996. – С. 67–70. – 0,3 п.л.
18. Доде, З. В. Кавказский текстиль VI–IX вв. Утраченные традиции / З. В. Доде // Культурное и природное наследие в региональной политике : тезисы докладов научно-практической конференции (Ставрополь, 26–28 мая 1997 г.). – Ставрополь : Изд-во СГУ, 1997. – С. 50–51. – 0,1 п.л.
19. Доде, З. В. К вопросу о складывании цветовых предпочтений в костюме народов Северного Кавказа / З. В. Доде // Историко-археологический альманах. – Вып. 3. – Армавир, 1997. – С. 171–176. – 0,8 п.л.
20. Доде, З. В. Художественно-этнографические экспедиции 20 гг. XX в. по Северному Кавказу / З. В. Доде // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой (Ставрополь, 26–27 января 1996 г.). – Ставрополь : Изд-во СГУ, 1997. – С. 51–55. – 0,3 п.л.
21. Доде, З. В. Исследование кендырных тканей из могильников Северного Кавказа VI–IX вв. / З. В. Доде // XX Юбилейные Международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа : тезисы докладов – Ставрополь : Наследие, 1998. – С. 37–38. – 0,1 п.л.
22. Доде, З. В. Кавказский текстиль VI–IX вв. / З. В. Доде // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. – Ставрополь : Наследие, 1998. – С. 238–249. – 1 п.л.
23. Доде, З. В. Традиционная культура народов Северного Кавказа в графических работах (20-е гг. XX века) / З. В. Доде // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России : материалы Межрегиональной научной конференции (Ставрополь, 10–11 апреля 1998 г.). – Ч. 2. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 1998. – С. 44–47. – 0,2 п.л.
24. Доде, З. В. Культурология : программа / Г. Г. Асриянц, З. В. Доде, А. А. Дуров, О. И. Миловидова. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 1999. – 18 с. – 0,5 п.л. (авт. 0,25).
25. Доде, З. В. Традиции и быт народов Северного Кавказа в первой четверти XX века глазами творческой интеллигенции / З. В. Доде // Историко-археологический альманах. – Армавир, 1999. – № 5. – С. 117–127. – 1 п.л.
26. Доде, З. В. Кочевнический комплекс золотоордынского времени в курганном могильнике Джухта-2 / З. В. Доде // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа : тезисы докладов. – Кисловодск : ГУП «Наследие», 2000. – С. 40–42. – 0,2 п.л.
27. Доде, З. В. Об изучении историко-культурного наследия репрессированных народов Северного Кавказа в советский период / З. В. Доде // Историко-археологический альманах. – Армавир, 2000. – С. 90–96. – 1,1 п.л.
28. Доде, З. В. Феномен кавказского костюма в изучении курса культурологии / З. В. Доде // Труды Российского научно-практического центра по проблемам музейной педагогики. Образовательная деятельность художественного музея. – Вып. VI. – СПб., 2000. – С. 155–159. – 0,3 п.л.
29. Доде, З. В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта-2 / З. В. Доде // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа : сборник статей. – Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. – М. : Памятники исторической мысли, 2001. – С. 117–127. – 0,8 п.л.

30. Доде, З. В. История культуры : методическое пособие / З. В. Доде, А. А. Дуров. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002. – С. 39. – 1,6 п.л. (авт. 0,8).
31. Доде, З. В. Информативность украшений из средневековых могильников Северного Кавказа. Два этюда / З. В. Доде // Ювелирное искусство и материальная культура : тезисы докладов (Санкт-Петербург, 10–14 октября 2000 г. и 9–14 апреля 2001 г.). – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – С. 74–76. – 0,5 п.л.
32. Доде, З. В. Женская одежда из позднесредневековых осетинских склеповых могильников в коллекции Б.А. Куфтина / З. В. Доде // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа : тезисы докладов. – Ессентуки – Кисловодск, 2002. – С. 48–50. – 0,2 п.л.
33. Доде, З. В. Северокавказский средневековый костюм в контексте истории и культуры / З. Д. Доде // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии : тезисы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 27–31 мая 2002 г.). – СПб. : РИЦ СПГУТД, 2002. – С. 23–25. – 0,3 п.л.
34. Доде, З. В. Костюм как предмет репрезентативного комплекса / З. Д. Доде // Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб., 2002. – С. 37–40. – 1 п.л.
35. Доде, З. В. Костюм как текст / З. В. Доде // Язык и текст в пространстве культуры : сборник статей. – Вып. 9. – СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена ; Ставрополь : Изд-во СГУ, 2003. – С. 27–35. – 1,1 п.л.
36. Доде, З. В. Репрезентация: дефиниция или метод? (Репрезентативный костюм или костюм как репрезентация историко-культурной реальности?) / З. В. Доде // Материалы Первой Всероссийской научной интернет-конференции «Новая локальная история» (Ставрополь, 23 мая 2003 г.). – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2003. – С. 62–76. – 0,9 п.л.
37. Доде, З. В. Оппозиция мужское – женское в костюме алан как прагматика гендерных функций / З. В. Доде // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии : тезисы и материалы 7-й Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30 июня – 3 июля 2004 г.). – СПб. : СПГУТД, 2004. – С. 27–31. – 0,3 п.л.
38. Доде, З. В. Ценностный аспект социального пространства костюма (По материалам средневековых северокавказских комплексов) / З. В. Доде // Textus. Избранное : сборник статей. – Вып. 11. – Ч. 2. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2005. – 0,9 п.л.
39. Доде, З. В. Китайские шелка в золотоордынских могильниках Северного Кавказа / З. В. Доде // Вопросы истории, историографии, экономики, языкознания и литературы : сборник статей. – М., 2005. – С. 65–72. – 0,6 п.л.
40. Доде, З. В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: к вопросу о методе исследования / З. В. Доде // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2005. – Т. 2. – С. 305–330. – 2,4 п.л.
41. Доде, З. В. Коллекция осетинской женской одежды Б.А. Куфтина / З. В. Доде // Вестник истории, литературы и искусства. – М., 2006. – Т. 2. – С. 418–430. – 1,5 п.л.
42. Доде, З. В. Шелковая Орда: определение китайской, иранской и центральноазиатской художественной традиции в декоре шелков монгольского времени из золотоордынских памятников улуса Джучи / З. В. Доде // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа : тезисы докладов. – Нальчик, 2006. – С. 73–74. – 0,1 п.л.
43. Доде, З. В. Археологический костюм: проблемы реконструкции и интерпретации / З. В. Доде // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия : материалы Первой Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти Ю. Н. Воронова. – Сухум, 2006. – С. 16–17. – 0,1 п.л.
44. Доде, З. В. Методика исследования красителей средневековых тканей из золотоордынских погребальных памятников Северного Кавказа и Нижнего Дона / З. В.

Доде, И. А. Сергеева // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа : тезисы докладов. – Нальчик, 2006. – С. 75–76. – 0,1 п.л. (авт. 0,05).

45. Доде, З. В. Технологические характеристики швов / З. В. Доде, М. А. Телешова // Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала : материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / М. В. Власкин, А. И. Гармашов, З. В. Доде, С. А. Науменко. – М. : Памятники исторической мысли, 2006. – Вып. VI. – С. 187–192. – 0,3 п.л. (авт. 0,15).

46. Доде, З. В. Исследование кожаной ткани и волос животных / З. В. Доде, И. А. Сергеева // Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала : материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / М. В. Власкин, А. И. Гармашов, З. В. Доде, С. А. Науменко. – М. : Памятники исторической мысли, 2006. – Вып. VI. – С. 193–200. – 0,3 п.л. (авт. 0,15).

47. Доде, З. В. Исследование красителей тканей / З. В. Доде, И. А. Сергеева // Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала : материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / М. В. Власкин, А. И. Гармашов, З. В. Доде, С. А. Науменко. – М. : Памятники исторической мысли, 2006. – Вып. VI. – С. 204–217. – 0,8 п.л. (авт. 0,4).

48. Daudet, Z. The outline of culture synthesis in the Northern Caucasus (6th – 9th Centuries A.D.). – Bulletin of the ancient orient museum. – Volume XIII. – 1992. – P. 1–9. – 0,25 п.л.

49. Dode, Z. The Juhta Silks: On the Cultural Attribution of Golden Horde Fabrics / Z. Dode // European Association of Archaeologists. – 9th Annual Meeting 10th – 14th September, 2003. – St. Petersburg. – P. 53. – 0,05 п.л.

50. Dode, Z. Method of the reconstruction of the archaeological costume / Z. Dode // European Association of Archaeologists. Xth Annual Meeting. – Lyon, 2004. – P. 91. – 0,09 п.л.

51. Dode, Z. Silk Paradise in the Northern Caucasus, (Iranian figured fabric of the 16th century) / Z. Dode // 11th Annual Meeting European Association of Archaeologists. – Cork, 2005. – P. 97–98. – 0,05 п.л.

52. Dode, Z. Juhta Burial Chinese Fabrics of the Mongolian Period in 13th–14th Centuries in North Caucasus / Z. Dode // CIETA. – Bulletin 82, 2005. – P. 75–93. – 1 п.л.

53. Dode, Z. Determination of Chinese, Iranian and Central Asian Artistic Tradition in the décor of silk of the Mongolian Period from the Golden Horde Legacy in Ulus Djuchi / Z. Dode // Silk Road and Mongol-Yuan Art. Paper collection of the international symposium. – Hangzhou, 2005. – P. 265–277. – 1,5 п.л.

54. Dode, Z. Определение китайской, иранской и центральноазиатской традиции в декоре шелков монгольского времени из золотоордынского улуса Джучи (На кит. яз.) / Z. Dode // Cultural Relics of the East. – 2006. – № 6 (19). – P. 43–49. – 1 п.л.

55. Dode, Z. Byzantine parallels in the semantic space of the costume of peoples the medieval Caucasus / Z. Dode // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. London, 21–26 August 2006. – Volume II. – Abstracts of Panel Papers. – ASHGATE. – London, 2006. – P. 266–267. – 0,07 п.л.